

Б. Н. АРАКЕЛЯН, В. М. АРУТЮНЯН,
С. Х. МНАЦАКАНЯН

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ
ИСТОРИИ
АРМЯНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

(ПО ПОВОДУ КНИГИ Г. Н. ЧУБИНАШВИЛИ
«РАЗЫСКАНИЯ ПО АРМЯНСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ»)

ЕРЕВАН — 1969

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԳԵՄԻԱ
ԱՐՎԵՍՏ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Բ. Ն. ԱՌԱՔԵԼՅԱՆ, Վ. Մ., ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՅԱՆ
Ս. Խ. ՄՆԱՅԱԿԱՆՅԱՆ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՃԱՐՏԱՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
Պ Ա Տ Մ ՈՒ Թ Յ Ա Ն
ՄԻ ՔԱՆԻ ՀԱՐՑԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

(Գ. Ն. Չոփինաշվիլու «Որո՞նում են հայկական
հարտաբալետության բնագավառում» աշխատության առթիվ)

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԳԵՄԻԱՅԻ ՀՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ
Ե Ր Ե Վ Ա Ն 1969

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ

Б. Н. АРАКЕЛЯН, В. М. АРУТЮНЯН,
С. Х. МНАЦАКАНЯН

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ АРМЯНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

(По поводу книги Г. Н. Чубинашвили
«Разыскания по армянской архитектуре»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН

1969

Р III
34030

Для рецензирования книги академика АН Грузинской ССР Г. Н. Чубинашвили «Разыскания по армянской архитектуре» Институтом искусств АН Армянской ССР был выделен авторский коллектив в составе члена-корреспондента АН Армянской ССР, доктора исторических наук профессора Б. Н. Аракеяна, доктора архитектуры профессора В. М. Арутюняна и доктора архитектуры С. Х. Мнацаканяна.

Настоящая рецензия—результат совместного рассмотрения и комментирования положений, выдвинутых автором «Разысканий».

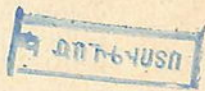
При рецензировании учитывались специальность и степень интересов каждого автора к конкретным научным проблемам, затронутым в упомянутой книге. В соответствии с этим и написаны следующие разделы рецензии:

Б. Н. Аракеян — Предисловие; Метод исследования (совместно с С. Х. Мнацаканяном); Использование эпиграфического материала; Архитектурные формы и убранство как датирующий материал; Заключительные замечания.

В. М. Арутюнян — О купольных базиликах Армении; О купольных залах Армении; О большом храме Таллина.

С. Х. Мнацаканян — Памятники «типа Джвари»; Малые купольные церкви; Купольные квадраты с опорными по осям нишами; Многоабсидные церкви.

**ИНСТИТУТ ИСКУССТВ
АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед нами довольно объемистая и богато иллюстрированная книга: «Разыскания по армянской архитектуре», принадлежащая перу Г. Н. Чубинашвили. Выпущена она в 1967 г. Издательством Академии наук Грузинской ССР «Мецниереба».

Интерес исследователя грузинского искусства к искусству соседнего народа вполне понятен и закономерен, тем более, что речь идет о человеке, который давно уже, более полвека назад, начал изучать памятники армянской архитектуры, когда в качестве сотрудника анийской археологической экспедиции принимал участие в раскопках средневековой столицы Армении—Ани, богатой памятниками армянского зодчества. Естественным было бы обращение Г. Н. Чубинашвили к проблеме связей архитектуры грузинского и армянского народов, которые тысячелетиями жили в добром соседстве, совместно прошли долгий путь исторического развития, плечом к плечу боролись с иноземными захватчиками, постоянно находились в творческом общении, и каждый из них пронес сквозь века большое и самобытное культурное наследие. Но эта проблема, к сожалению, не раскрывается в указанных «Разысканиях».

Взяться за перо автора этой книги побудили другие обстоятельства — прежде всего труды западных исследователей архитектурного наследия закавказских народов.

На это вполне определенно указывает сам автор. Говоря о том, что первое его знакомство с памятниками армянской архитектуры (в основном X—XIV вв.) относится еще к 1915 и 1916 гг., Г. Н. Чубинашвили пишет: «Второй этап разысканий был намечен и проведен планомерно и систематически в 1924 году. Осуществление этого начинания стало возможным в связи с появлением большого научного исследования армянской архитектуры венского профессора Иосифа Стриговского¹, этого толкача европейского искусствознания в области раннехристианского и византийского искусства...» (стр. 3). И далее: «Стриговский в этой книге, как обычно и в других своих исследованиях, высказывал наравне с большим числом важных и значительных общих и частных положений также очень существенные и в корне неприемлемые заблуждения. К числу последних относится ошибочное в отдельных пунктах построение картины развития армянской архитектуры и категорическое отрицание самостоятельности, рядом с армянским, грузинского искусства» (там же). Г. Н. Чубинашвили указывает, что «ошибочный взгляд Стриговского на грузинскую архитектуру, как эпитон армянской, имеет свою почти вековую давность» (стр. 4). «... Сильнее всего положение это укрепилось благодаря утверждению первого исследователя архитектуры Кавказа швейцарца Фредерика Дюбуа де Монперё (1838), что грузинская архитектура есть собственно ответвление армянской, ею создана, от нее произошла и определялась в течение почти всего хода развития. Утверждение этого, по выражению акад. Броссе, «энциклопедиста Кавказа» казалось даже без приведения доказательств несомненно обоснованным и веским» (стр. 5).

«Утверждение Дюбуа,—пишет далее Г. Н. Чубинашвили,—вносившее простоту в фактическое положение,

¹ J. Strzygowski. Die Baukunst der Armenier und Europa. B. I. 11 Wien, 1918.

подставив на место двух самостоятельных феноменов— один с совершенно подчиненным ему вторым—приобрело общее распространение (и между армянским и грузинским искусством не делают различия). . . » (стр. 14).

Г. Н. Чубинашвили справедливо признает это положение ошибочным и неприемлемым. Со своей стороны считаем нужным подчеркнуть, что ученые Советской Армении также отвергают такого рода одностороннее, явно неправильное отношение к грузинской архитектуре.

В противовес приведенному тезису Дюбуа и Стриговского, Г. Н. Чубинашвили выдвигает «положение о самостоятельности каждого из этих двух, ярко национальных искусств» (стр. 5) и обещает выявить их отличительные черты, устранить «ошибочное в отдельных пунктах построение картины развития армянской архитектуры», уточнить даты целого ряда памятников, якобы необоснованно приписываемых VII веку, и таким путем заполнить «зияющую пустоту» в истории армянской архитектуры—период VIII—IX вв.

Задачи, которые ставит перед собой Г. Н. Чубинашвили, действительно трудные и сложные. Решение их может быть достигнуто только при правильном понимании всех процессов развития строительного искусства армян, процессов сложения композиций, типов, отдельных форм и их развития. Процессы эти происходили на реальной исторической почве, определившейся социально-экономическими, политическими и идеологическими факторами. Вне связи с ними архитектурные памятники не могут быть поняты. Вместе с тем ни один отдельно взятый памятник архитектуры, являющийся продуктом длительного исторического развития, не может рассматриваться изолированно, в отрыве от общен исторического и архитектурно-художественного развития страны. Таковы элементарные предпосылки любого историко-архитектурного исследования.

Теперь обратимся к самой книге Г. Н. Чубинашвили.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование это в значительной своей части представляет собранные воедино различные работы автора разного времени, касающиеся истории армянской архитектуры. И хотя Г. Н. Чубинашвили отмечает, что его книга—это лишь «попытка наметить основную линию развития армянской архитектуры в ранний период феодальных отношений. . . по конец X и начало XI века» (стр. 163), однако это далеко не так. В книге нет ни связанного изложения истории архитектуры, основанного на единой хронологии, ни картины развития типов и архитектурно-композиционных решений.

Изложение ведется на основе ошибочной периодизации, и все развитие армянского зодчества приспособлено к ней, перекроено в соответствии с этой неверной основой. Как увидим ниже, разработка такой периодизации преследовала весьма определенные и далеко идущие цели—любыми средствами доказать вторичность армянского ранне-средневекового зодчества и его зависимость от грузинского. Нетрудно убедиться, что с этой именно целью и были предприняты «Разыскания».

В историю армянского зодчества Г. Н. Чубинашвили вводит «новую эпоху», а именно период арабского владычества (VIII—IX вв.), куда, волею автора, переносятся большинство композиционных решений, которыми ознаменовались VI и VII столетия. Зато вовсе не рассматри-

ваются или лишь упоминаются многие узловые памятники раннесредневековой эпохи, которые так или иначе противоречат концепции автора (Вохджаберд, Црвиз, Эчмиадзин, Текор, Багаран, Аламан, Звартноц и др.). Вместе с тем ряд значительных памятников армянского зодчества VI—VII вв. (Сурб-хач, Ишхан) объявляются грузинскими.

Путем совершенно произвольного «архитектурно-художественного анализа» ряд памятников этого периода переносится в IX—X, а иногда и X—XI века, хотя для этого нет решительно никаких оснований.

Ряд типов VI—VII вв., параллели которых имеются в грузинском зодчестве той эпохи, объявляются перепевами или же подражаниями грузинских композиций (Аван, Гаянэ). А те композиции VII в., «прототипы» которых не отыскиваются в грузинском зодчестве раннего периода, на основе того же «архитектурно-художественного анализа» переносятся в X—XI века и, таким образом, оказываются возведенными позже аналогичных грузинских памятников, появившихся в IX—X вв. Более того, почти все армянские монументальные постройки VI—VII вв. представляются как малохудожественные и ремесленные подражания, лишённые какого-либо самостоятельного художественного значения. Г. Н. Чубинашвили рисует картину поразительной отсталости раннесредневековой архитектуры Армении и, тем самым, всей средневековой культуры армянского народа.

* * *

На периодизации истории армянского зодчества следует остановиться подробнее, ибо научно обоснованная периодизация—один из исходных моментов любого исторического исследования, в том числе и исследования в области истории армянского зодчества, которое всегда и теснейшим образом было связано с социально-экономической и политической жизнью страны.

Древнейший период развития армянского зодчества— это эпоха тесных контактов с государствами Передней Азии, а затем и с эллинистическим миром.

Следующий период начинается с IV века, когда рождаются феодальные отношения и в стране распространяется христианство. IV—VII века—это период интенсивного развития, а затем и расцвета самобытной армянской культуры, изобретения армянского алфавита, развития армянской литературы: историографии, философии, математики, астрономии и становления армянского национального зодчества.

Дальнейший прогресс архитектуры был прерван установлением арабского владычества, принесшего Армении тяжкие испытания. Почти два века (с конца VII в.) страна стонет под гнетом чужеземцев, народные восстания следуют одно за другим, и все они подавляются с невиданной жестокостью. Экономика страны переживает резкий упадок, монументальное строительство прекращается повсеместно. Возрождается оно лишь в последней четверти IX в. с восстановлением государственности.

Первые попытки восстановления древних традиций и древних типов зданий предпринимаются преимущественно в царских резиденциях (Ширакаван) и в районах, далеких от центральных равнинных областей страны (где вплоть до второй четверти X в. велись непрерывные бои с арабами), в частности в Сюнике.

Бурное строительство начинается со второй половины X в., когда воздвигается город Ани—экономическое и политическое средоточие Багратидского царства, ставшего одним из наиболее значительных государств Передней Азии. Однако иноземное вторжение, на этот раз сельджукское, снова более чем на целое столетие задерживает развитие армянского искусства.

Новый этап начинается с конца XII и продолжается вплоть до середины XIV в., когда монгольское иго окончательно подорвало экономику страны.

Иную картину рисует Г. Н. Чубинашвили—картину, основанную на совершенно произвольной, ни на чем не основанной периодизации истории армянского зодчества, где в один котел свалены «куски» различных исторических эпох и различных архитектурных направлений. По его мнению, первый «древний период» охватывает V—VI века (стр. 90), затем идет «ранний период», включающий VII, VIII и IX века (стр. 89, 165, 168), а за ним—третий период, X—XIII века (стр. 104).

Искусственность такого построения очевидна. И разве случайно, что обойден IV век, когда с принятием христианства было предпринято большое монументальное строительство?

Еще хуже выглядит следующий этап. Здесь объединены VII век (в действительности органически связанный с предыдущей эпохой), обойдены отрицательные последствия арабского владычества (целиком—VIII в. и три четверти IX века), а также важнейшие исторические изменения во второй половине IX века, открывшие новую эпоху в истории Армении, последняя четверть IX века, т. е. время, когда была создана собственная государственность и страна вступила на новый путь социально-экономического и политического развития. Такое нагромождение различных исторических эпох преследует одну цель—любыми средствами показать, будто в период арабского владычества не было никакого перерыва в монументальном строительстве, а памятники конца IX в. якобы представляют неотъемлемую часть архитектурного творчества в рамках этой огромной эпохи, на самом деле искусственно слепленной Г. Н. Чубинашвили из «кусков» различного исторического содержания. «Единство» этой эпохи (на самом деле несуществующее) нужно автору лишь для оправдания переноса целого ряда армянских архитектурных памятников из VII в VIII, IX и вплоть до рубежа IX и X вв. По мысли автора, и пос-

ле такого переноса эти памятники остаются в пределах одной эпохи, в пределах «единой» архитектурно-стилистической группы.

Соответственно этому Г. Н. Чубинашвили усматривает в пределах VII—IX веков «картину постепенного развития армянской архитектуры без длительного двухсотлетнего перерыва» (стр. 11). Именно в этот двухсотлетний перерыв «усиленно втискивается» (выражение автора) целый ряд памятников армянского зодчества VI—VII веков—Одзун и Арамус, Птгни и Мастара, Рипсимэ и Гарнаовит (Адиаман), Сисаван и Воскепар, Кармравор и Лмбат и многие другие.

Г. Н. Чубинашвили никак не может мириться с тем, что армянский народ уже в VI—VII веках создал огромное разнообразие композиций. По его мнению, армянские исследователи должны вполне удовлетворяться лишь теми немногими памятниками, которые он оставляет в VII в., «будто недостаточно для раннего времени таких блестящих примеров, как церковь Гаянэ, Мренский собор, Багаран, Звартноц, как и древние базилики» (стр. 11). Но такого рода поштучная оценка великого архитектурного наследия армянского народа вряд ли может быть признана серьезной, она скорее походит на недобрую шутку.

В следующую историческую эпоху—в X—XI вв.—переносятся такие памятники VII в., как Таргманчац и Артик, Зоравап, Иринд и ряд других.

После всех этих перетасовок из известных науке нескольких десятков армянских купольных зданий VI—VII веков на своих местах остаются лишь некоторые, все остальные переносятся в IX—X, а часть еще дальше—в X—XI века.

Таковы плоды «Разысканий» в области истории армянской архитектуры, предпринятых Г. Н. Чубинашвили. Насколько убедительны его передатировки, постараемся показать ниже.

Прежде всего остановимся на последствиях арабского завоевания. Передатировки, на которых настаивает Г. Н. Чубинашвили, говорят об отрицании им тезиса многих исследователей армянской архитектуры о том, что во время владычества арабов в VIII в. и до конца IX в. строительная деятельность в стране была прервана. В этом перерыве автор видит «зияющую пустоту» (стр. 165, 168), которую и заполняет архитектурными памятниками путем их передатировки. Такой перерыв Г. Н. Чубинашвили считает прискорбным недоразумением, «виной которому необоснованное предубеждение, будто VII в. является одаренным исключительным многообразием типов» (стр. 168).

Но, во-первых, многообразие типов обязано не одному VII веку, оно возникло на протяжении V, VI, VII вв.: купольные постройки появились в Армении еще в V в.¹

Во-вторых, перерыв в строительной деятельности Армении во время арабского владычества является, к сожалению, неумолимым историческим фактом, который вполне объясняется не только политическим (арабское господство), но также социально-экономическим положением и всем ходом культурного развития Армении в VIII и IX вв.

Хорошо известно, что Армения подпала под арабское владычество в середине VII в., но первоначально в стране все нормы политической и социально-экономической жизни, в частности армянский нахарарский строй, еще сохранялись. В ту пору произошла лишь смена персидского владычества арабским, носившим вначале ско-

¹ См. «Очерк истории армянской архитектуры», Ереван, 1964, стр. 116—119 (на арм. яз.); Н. М. Токарский, Джрвеж II. Вохджаберд, Ереван, 1964, стр. 48—70.

рее характер гегемонии. Армения еще сохраняла самостоятельность и возможности социально-экономического и культурного прогресса; не прекращалось и строительство. Так продолжалось до конца VII века. Положение резко изменилось в 698—700 гг., когда Арабский халифат, расширив свои завоевания и положив конец внутренним раздорам в огромном государстве, фактически вновь покорил страну. Вопреки договорам, заключенным с Арменией в 652 и 662 гг., покончил с ее самостоятельностью, наложил тяжкое ярмо на армянский народ, обложил его разорительными налогами и, что главное, нанес смертельный удар по армянскому нахарарскому строю, лишив армянских нахараров наследственного права на землю. Все земли, воды, рудники, даже рыбные промыслы были объявлены собственностью халифата. Восстание армянского народа во главе с нахарарами в 702—704 гг. кончилось неудачей и так называемым «днем огня» (в 706 г.), когда 800 армянских нахараров, азатов (мелких феодалов) и военачальников были загнаны в церкви Нахчавана и поселения Храм и сожжены заживо.

Часть оставшихся в живых армянских нахараров переместилась из Армении в Византию, а другая часть, лишившись права наследственного землевладения, могла пользоваться лишь правами землевладения условного. Но известно, что монументальное строительство, и прежде всего культовое, в феодальном обществе осуществлялось светскими и духовными феодалами. Армянские нахарары теперь уже не могли строить ничего, так как были лишены своих наследственных владений. Армянская же церковь, сохранившая свой иммунитет, также не была в состоянии продолжать строительную деятельность вследствие экономического застоя и все большего усиления иноземного гнета.

В начале VIII в. Арабский халифат осуществил ре-

форму военно-политической, административной и налоговой систем в Армении. Положение стало невыносимо тяжелое, но оно продолжало ухудшаться. Налоги и подати к середине VIII в. (после нового восстания армян в 748—750 гг. и во времена строительства новой столицы халифата—Багдада) вызвали в стране полное экономическое разорение. Об этом сохранилось не мало сведений в арабских и особенно в армянских источниках VIII—X веков.

«Зияющая пустота» с VIII по конец IX в. охватила не только сферу строительства, непосредственно зависящую от феодального землевладения и экономического положения страны, но и, казалось бы, сравнительно мало связанные с экономикой области, скажем, литературу. Можно назвать большое количество литературных произведений и множество имен армянских авторов V—VII вв., труды которых посвящены различным отраслям литературы и науки—историографии, философии, религии и богословию, риторике и грамматике, математике, географии, космографии и другим отраслям знаний. А сколько литературных произведений или имен авторов можно назвать в более позднее время—после Иоанна Одзнеци (дожившего до 728 г.), фактически последнего представителя армянской литературы V—VII вв., и до конца IX века?

Застой в строительстве и «зияющая пустота» имели место и в Грузии, хотя последняя сравнительно меньше пострадала от арабов. К тому же Грузия по сравнению с Арменией имела больше возможностей для использования арабо-византийских противоречий. И все же немного можно назвать грузинских архитектурных памятников той тяжелой и для Грузии поры—VIII—IX вв.

Один из видных исследователей истории грузинского искусства Ш. Я. Амиранашвили справедливо пишет: «VIII и IX вв. не оставили ни одного точно датированного

памятника, значительного в художественном и историческом отношении»¹.

Как видим, «прискорбным недоразумением» оказывается пренебрежение историческими фактами, которое допускает Г. Н. Чубинашвили ради оправдания передатировок армянских памятников.

* * *

Искусственная периодизация, положенная в основу «Разысканий» и не имеющая ничего общего с действительной историей зодчества, убедительнее всего говорит о тенденциозности автора и его стремлении любой ценой приспособить реальную действительность к заранее намеченной схеме развития.

Тенденциозность сказывается и в полном игнорировании древнейших памятников армянского зодчества—замечательных однефных зальных церквей и трехнефных базилик IV—VI веков, всего светского зодчества с его великолепными дворцами и древнейшими купольными зданиями—всего того, что подготовило огромный качественный скачок архитектуры VII века. Все это совершенно не рассматривается Г. Н. Чубинашвили. Лишенные своего логического основания, купольные сооружения VII в., в сущности, повисают в воздухе, и неискушенный читатель, незнакомый с историей армянской архитектуры и методами автора, легко может поверить тому, что основные композиции армянского зодчества VII в. были привнесены извне, а дата многих архитектурных типов—на несколько веков позднее чем общепринятая, или же будто все эти типы возникли сразу, за несколько десятилетий.

¹ Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, Москва, 1950, стр. 143.

34030

За бортом «Разысканий» оставлены вовсе не незначительные памятники. Это—крестообразная усыпальница IV в. в Ахце; это—Вохджаберд, представляющий древнейший тип купольного квадрата, зародыш более поздних купольных сооружений; это—Црвиз, древнейший тетраконх, где внешняя композиция полностью повторяет внутренние формы; это—тетраконх в Арзни, где внутренняя композиция включена в наружный восьмигранник, и т. д. Все эти сооружения были лишь ступенями, которые вели к созданию больших купольных композиций. Мало того, Г. Н. Чубинашвили не рассматривает и такие узловые сооружения, как Текорский и Эчмиадзинский храмы—древнейшие купольные сооружения армянского зодчества. Ведь хорошо известно, что Текорский храм не что иное, как древняя базилика, перестроенная в конце V в. в купольный храм; купол его—один из древнейших куполов армянского зодчества, где каменные формы почти буквально повторяют формы деревянного купола народного жилого дома—глхатуна.

И, наконец, совершенно необъяснимо отсутствие в книге Эчмиадзинского храма—сооружения, имеющего исключительное значение для правильного понимания путей развития армянского раннесредневекового зодчества вообще и купольных сооружений в частности. Ведь это единственный на Кавказе точно датированный 80-ми годами V в. купольный храм, одна из древнейших крестообразных центричных композиций раннехристианского зодчества вообще, нашедшая достойное место в специальной литературе¹.

Надо сказать, что все эти постройки на протяжении последнего десятилетия находились в центре внимания

¹ Т. Торамаян. Материалы по истории армянской архитектуры, т. I, Ереван, 1942, стр. 220 (на арм. яз.); Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв., Ереван, 1961, стр. 93.

исследователей армянского зодчества; в Эчмиадзине велись большие раскопки, давшие интереснейшие результаты, которые не раз публиковались¹. Эти памятники в «Разысканиях» обойдены под предлогом того, что «они нуждаются в уточнении датировок» (стр. 168).

Не менее странно отношение Г. Н. Чубинашвили к некоторым памятникам, раннесредневековые даты которых он вынужден признать, но которые также фактически обойдены в его книге. Прежде всего это относится к такому значительному сооружению, как храм в Багаране, возведенному в 624 г. Г. Н. Чубинашвили уделяет ему лишь несколько строк (стр. 62).

Мы не находим в «Разысканиях» ни слова и о замечательном памятнике Зовуни². В специальной литературе давно было отмечено значение этого памятника как прототипа купольных залов VII в. — Птгни и Аруча.

То же относится и к триконху Аламана, также точно датированному 637 г. Эту дату признает и Г. Н. Чубинашвили, но как он относится к этому замечательному памятнику? Целую главу автор посвящает малым купольным церквям (стр. 65—89), рассматривает значительное количество памятников как VII, так и IX—X вв., причем, как правило, все памятники VII в. в результате

¹ А. Саинян. Новые материалы о строении Эчмиадзинского собора, «Эчмиадзин», 1956, VIII—IX, IX—XII (на арм. яз.); «Очерк истории армянской архитектуры», Ереван, 1964, стр. 117 (на арм. яз.).

² Г. Овсепян. Материалы и исследования по истории армянского искусства и культуры, вып. III, Нью-Йорк, 1944, стр. 9 (на арм. яз.); С. Х. Мнацаканян. Об одном новом памятнике VI—VII в. «Известия» АН Арм. ССР, общественные науки, 1956, № 2, стр. 66; см. также позже вышедшую работу А. А. Саиняна—Архитектурный комплекс Зовуни, «Лрабер» (Вестник общественных наук) АН Арм. ССР, 1968, № 1 (на арм. яз.).

«художественного анализа» оказываются перенесенными в IX—X века. И лишь одному из них повезло: он удержался в VII в. Это—Аламан, но ему Г. Н. Чубинашвили отводит всего две строки: «Черты вычурности, нарочитости, которые замечаются слегка уже на триконхе 637 года в Аламне, приобретают в Талине совершенно специфический размер. . . » (стр. 71). Но понятие «вычурности» отнюдь не категория научного анализа. Это не более, как субъективное ощущение автора, которое носит произвольный характер: ни вычурности, ни нарочитости мы не находим в Аламне. Напротив, это один из самых строгих и лаконичных представителей данного архитектурного типа.

Поражает отсутствие в «Разысканиях» самой грандиозной композиции VII в.—Звартноца. О нем упоминается лишь мельком, а результаты последних изысканий изложены неверно.

Все это являет собой картину неприкрытого искажения действительности в угоду субъективным представлениям автора. Мы видим, до какой степени убого выглядит под пером Г. Н. Чубинашвили армянское зодчество IV—VII вв.

Лишенная своих истоков (о которых позволяют говорить Вохджаберд, Црвиз, Эчмиадзин, Текор) и наиболее простых крестообразных композиций VII в. (Аламан), лишенная предшественников и прототипов композиции купольных залов (Зовуни), композиции с четырьмя отдельно стоящими подкупольными пилонами (Багаран) и, наконец, наиболее величественного сооружения эпохи (Звартноц), купольная архитектура Армении VII в. предстает перед читателем как набор разрозненных, не связанных между собой различных типов сооружений, не имеющих ни предшествующих звеньев развития, ни логичного завершения.

Искусственное обеднение истории армянского зод-

чества призвано создать и заметно создает картину убогости и серости архитектурной мысли эпохи; оно действительно способно внушить мысль о заимствовании целого ряда форм из соседних стран, в первую очередь из Грузии. Именно к этому и подводит читателя «выборочная» история зодчества, предложенная Г. Н. Чубинашвили, и эта мысль преследует читателя во всех разделах «Разысканий», первая глава которых соответственно называется: «Памятники типа Джвари», хотя посвящена памятникам армянским.

* * *

Логическим следствием такого толкования фактов является объявление ряда памятников армянского зодчества грузинскими, причем эти памятники, многократно изданные в качестве «грузинских», разумеется, не включены в «Разыскания». Мы имеем в виду памятники VII в. в северо-западной провинции древней Армении—Тайке, и прежде всего Ишханский храм, возведенный строителем Звартноца—католикосом Нерсесом III Строителем.

В течение всего раннего средневековья (IV—VIII вв.) Тайк входил в состав владений известного нахарарского рода Мамиконянов¹, а тайкская церковь принимала активное участие в делах армянской церкви, в особенности в борьбе с несторианством и халкедонизмом. Тайкская церковь в IV—VIII вв. была неотделимой

¹ Н. Я. Марр. Георгий Мерул, Житие св. Григория Хандзтийского, Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. VII, СПб., 1911; А. Манандян. Критический обзор истории армянского народа, т. I, Ереван, 1944, стр. 116 (на арм. яз.); А. Г. Жамкочан, А. Г. Абрамян, С. Т. Мелик-Бахсян. История армянского народа, учебник для вузов, т. I, 1963 (на арм. яз.); С. Т. Еремян. Армения по «Ашхарацуиц»-у (Армянской географии VII века), Ереван, 1963 (на арм. яз.).

частью армянской церкви, ее представители в это время постоянно участвовали в общецерковных соборах¹.

Включение в число памятников грузинского зодчества армянского храма, возведенного во владениях армянского нахарарского рода и всеми своими формами органически связанного с процессом развития армянского зодчества, столь же тенденциозно, как и передатировки армянских памятников.

В своей книге Г. Н. Чубинашвили вновь возбуждает бесполезный, скорее вредный спор о приоритете армянской или грузинской архитектуры, разрешая его в пользу грузинской. При этом на первый план он выдвигает вероисповедные мотивы. Это, конечно, не случайно, ибо люди, возбуждающие подобные споры, обычно противопоставляют друг другу культуры грузинского и армянского народов вместе с их вероисповеданием. Зато они избегают или, по крайней мере, не проявляют стремления показать тесное содружество этих народов, совместно прошедших большой многовековой путь культурного развития, показать общности в социально-экономическом, политическом, вероисповедном и культурном отношениях—общности, объясняемые одинаковыми условиями исторической жизни. Все это во многом предопределило также общности в их архитектурно-художественном творчестве. Это тем более относится к созданию различных типов купольных сооружений, выработанных в длительном процессе созидательной деятельности обоих братских народов. Всякий спор, ограничивающий процесс зарождения и развития того или иного архитектурного типа одним-двумя десятилетиями, подражанием грузин армянам или армян грузинам, крайне упрощает, вернее сказать, иска-

¹ М. Орманян. Азгапатум (История армянской церкви), т. I, Константинополь, 1918, стр. 330, 547, 562 (на арм. яз.).

жает сложный процесс художественного творчества и реальных контактов двух вечных и добрых соседей.

Что касается конфессиональной стороны вопроса, то не следует игнорировать единство армянской и грузинской церкви с начала их возникновения в IV в. и до начала VII в., т. е. до принятия Грузией в 606—608 гг. византийского халкедонитского православия. Единство церквей во многом способствовало тесному содружеству зодчих и строителей обоих народов. Содружество это было столь тесным, имело столь глубокие корни, что в дальнейшем разрыв церквей не мог нарушить его, а появление на армянском престоле католиков халкедонитско-православного вероисповедания способствовало традиционному содружеству. Именно этим обстоятельством следует объяснить продолжавшуюся близость между архитектурами обоих народов и в VII веке. Сказалось это и в участии армянских мастеров в строительстве Мцхетского Джвари, о чем свидетельствуют знаки мастеров в виде армянских букв, а также армянская надпись, помещенная рядом с грузинской на постаменте знаменитого Мцхетского креста, которому поклонялись в равной мере и грузины и армяне. О содружестве свидетельствует строительство грузинского храма в Аteni армянским зодчим Тодосаком, о чем повествует армянская надпись на стене этого храма. Об этом же говорит близость рельефов Мцхетского Джвари к рельефам на стенах армянской церкви в Одзуне и другие аналогичные факты.

Вековое содружество двух народов Г. Н. Чубинашвили подменяет творческой неравноценностью, а общности в архитектурном наследии грузин и армян, возникшие с исторической неизбежностью, толкуются на основе пресловутой теории влияний в худшем смысле слова—в смысле подражания. Г. Н. Чубинашвили, по его словам, собирается выяснить «национальную физиономию» армянской архитектуры «в отличие и как параллель к гру-

зинской национальной архитектуре» (стр. 6) и приходит к заключению, что «в этом отношении наметилась сравнительная близость в древнейшее время, быть может, сознательная тенденция даже на сближение форм, на подражание. . .» (стр. 6). Но тут же он говорит о все большем и большем расхождении «по мере отдаления от этого начального времени вплоть до полного различия и утери ясного параллелизма в ходе развития» (стр. 6). Нельзя согласиться с этим тезисом, поскольку «полное различие» между армянской и грузинской архитектурой не обнаруживается и в дальнейшем.

Нетрудно заметить, что Г. Н. Чубинашвили, стараясь всячески доказать влияние грузинской архитектуры на армянскую, в то же время испытывает определенную боязнь перед близостью и связями между культурами грузин и армян. Реальная история культур обоих народов вполне самостоятельна, но вместе с тем она содержит немало проявлений близости и взаимного влияния. К этому вопросу (о взаимных влияниях) Г. Н. Чубинашвили подходит весьма односторонне. По его мнению, большая часть основных композиций раннесредневекового армянского зодчества является вторичной, возникшей главным образом под влиянием грузинской архитектуры. Автор считает, что в ранний период грузинское влияние шло по конфессиональным каналам, а в более позднее время грузинские памятники, будто бы возведенные, как правило, гораздо раньше армянских, служили для армянских зодчих образцами. Например, по Г. Н. Чубинашвили, благодаря православию проник в Армению и «тип Джвари» (стр. 37) и тип купольного храма с отдельно стоящими подкупольными пилонами — тип Гаянэ (стр. 48).

Между тем хорошо известно, что когда началось строительство Джвари (по Г. Н. Чубинашвили, в 586 г.), грузинская церковь вовсе не была халкедонитской, так

как официально она приняла диофизитизм не раньше 606—608 гг. Поэтому католикос Иоани, глава созданного Византией в 591 г. халкедонитского католикосата в Аване, просто не мог (если оставаться на позициях Г. Н. Чубинашвили) перенять формы антихалкедонитского храма Джвари.

Именно с православием связывает Г. Н. Чубинашвили возникновение другого однотипного с Рипсимэ храма—Таргманчаца. Он пишет, что «здесь, в этой грекофильской ячейке имеем непосредственное тяготение к такому высокочтимому и в Армении православному памятнику этого же типа, именно грузинскому Джвари»¹. Но нет никаких оснований считать храм Таргманчац «грекофильской ячейкой». Таргманичи, т. е. древние переводчики и толкователи священных книг, были в числе наиболее чтимых святых армянской национальной церкви, и есть десятки церквей, посвященных им. Поэтому утверждать существование здесь, близ Рипсимэ, какого-то воображаемого «грекофильского центра» и на этой основе усматривать... грузинское влияние—совершенно произвольно и беспочвенно.

Показательно отношение Г. Н. Чубинашвили к двум широко известным памятникам армянской архитектуры—к храму в Одзуне и храму Гаянэ. Наряду с бесчисленными отрицательными эпитетами и отзывами по адресу армянских зодчих и построенных ими зданий, читатель найдет и положительный отзыв об этих двух памятниках. В одном случае (об одзунском храме)—потому, что Г. Н. Чубинашвили видит в нем сильное грузинское влияние, а в другом случае (относительно храма Гаянэ в Эчмиадзине)—в связи с тем, что храм построен католикосом, принявшим православие. «Церковь св. Гаянэ

¹ Г. Н. Чубинашвили. Памятники типа Джвари, Тбилиси, 1948, стр. 113.

является первым по времени представителем рассматриваемого типа церквей. Созданием ее мы обязаны желанию католикоса Езры (630—640 гг.), который был одним из ряда православных католикосов Армении, ведших политику сближения Армении с Византией и Грузией. Эти обстоятельства не нужно забывать, рассматривая данные храмы, ибо очень возможно, что в них проявился нарочитый подход сближения и архитектурных форм этих соседних стран» (стр. 48).

Но тут налицо неточности и противоречия. Прежде всего храм Гаянэ отнюдь не первый представитель этого типа; линию развития следует начинать от Текорского храма, полностью обойденного автором. Далее, можно ли указать хотя бы на один незначительный элемент в храме Гаянэ, который не исходил бы из форм армянской архитектуры и не соответствовал бы им?

Как видим, появление близких решений в Джвари и Аване, в Рипсимэ и Таргманчаце, равно как в Текоре, Гаянэ и Цроми, говорит вовсе не в пользу конфессиональной теории. Поэтому правомерно утверждать, что водораздел между армянским и грузинским зодчествами шел вовсе не по линии различия вероисповеданий, притом внутри христианской церкви. Стало быть, теория Г. Н. Чубинашвили о якобы определяющем значении православия в формировании композиционных решений главных типов армянского раннесредневекового зодчества также лишена всякого основания.

* * *

Универсальным инструментом, которым оперирует Г. Н. Чубинашвили в истории армянской архитектуры, является его «архитектурно-художественный анализ», позволяющий ему без малейших затруднений смещать даты важнейших памятников.

В сущности работа Г. Н. Чубинашвили создает лишь

иллюзию всестороннего исследования. Правда, в ней мы находим и свидетельства историков, и эпиграфический материал, и характеристику строительной техники эпохи, и в широких масштабах анализ декоративных элементов. Но дело в том, как все это преподносится и как комментируются сами факты. Весь этот арсенал фактов использован крайне односторонне, с той лишь целью, чтобы «втиснуть» архитектурные памятники в прокрустово ложе заранее намеченных схем.

Ярким примером этого является отношение Г. Н. Чубинашвили к сведениям авторов. Например, историк VII в. Себеос говорит о строительстве Аванского храма и о строительстве храма Рипсимэ, причем не оставляет сомнений, что о последнем он пишет как очевидец. Между тем Г. Н. Чубинашвили, принимая его сведения об Аванском храме, отвергает ту часть, где говорится о строительстве храма Рипсимэ. И это вопреки тому, что буквально все авторы последующих веков подтверждают сведения Себеоса!

В тех случаях же, когда сведения, сообщаемые историками, совпадают с его мнением (даже если они встречаются у авторов, писавших о событиях трехсотлетней или шестисотлетней давности и поэтому, как правило, сильно искажающих сведения о постройках), Г. Н. Чубинашвили безоговорочно принимает их как веское доказательство поздней даты памятников (Арамус, Одзун).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Для передатировки почти двух десятков армянских памятников и их перемещения с VI—VII вв. в более поздние времена—в VIII—X вв. наряду с произвольно применяемым методом искусствоведческого анализа Г. Н. Чубинашвили пользуется также лапидарными надписями. Такого рода материалы, разумеется, весьма важны для истории памятников, следовательно, их глубокий анализ во многом может помочь исследователю установить время строительства не только отдельных зданий, но и целых групп их. Но о глубоком анализе памятников армянской эпиграфики в работе Г. Н. Чубинашвили и речи не может быть, так как для этого надо знать древнеармянский язык и быть специалистом по армянской эпиграфике, каковым автор не является (да и не претендует на это); следовательно, остается только одна возможность—сослаться на мнения специалистов. Г. Н. Чубинашвили так и поступает, но, повторяем, очень односторонне: он приводит лишь те высказывания, которые соответствуют его точке зрения, и игнорирует все другие. К сожалению, имеют место и неточности.

Обратимся к фактам. На стенах храма Рипсимэ начерчены две надписи о строительстве его католикосом Комитасом в начале VII в.

Издатели этих надписей—О. Шахатуянц, Алишан,

Месроп Тер-Мовсеян, Карапет Костанян и крупный специалист по армянской эпиграфике Гарегин Овсепян, составивший палеографический атлас армянских письмен, считали их вполне достоверными. Противоположного мнения придерживался И. А. Орбели, высказавший в 1914—1915 гг. сомнения по поводу указанных надписей. О первой из них он заявил: «Воздерживаюсь сейчас от категорического суждения о действительной принадлежности нашей надписи в ее **нынешнем** виде Комитасу. Скажу только, что и внешность надписи, и состав лигатур как-то не вяжутся с 618 г. по Р. Х.»¹.

Гарегин Овсепян, имея в виду палеографию надписи и сообщение историка VII в. Себеоса² о строительстве Комитасом храма Рипсимэ, а также сообщения двух других авторов, отмечал: «... нам известен от современных авторов, бывших очевидцами, точный год сооружения церкви, а следовательно, и надписи»³. И. А. Орбели возражал Г. Овсепяну: «Во всяком случае считаю недопустимым полное отождествление момента сооружения храма с моментом «начертания надписи», как это делает составитель Атласа. . . **Нам от современников и очевидцев** известна лишь дата построения храма (причем еще вопрос, в том ли виде, как он сохранился до нашего времени), а никак не надписи; о надписи мы не имеем пока никаких литературных сведений». Высказывая сомнения относительно принадлежности надписи католикосу Комитасу, И. А. Орбели полагал, что текст ее, возможно, был переписан или сочинен позднее другим автором с целью увековечить роль третьего лица—Комитаса—в сооружении церкви⁴. О второй надписи И. А. Орбели пи-

¹ И. Орбели. Избранные труды, Ереван, 1963, стр. 406—409.

² История епископа Себеоса, Ереван, 1939, стр. 89.

³ Гарегин Овсепян. Палеографический атлас, см. сборник «Шогакат», Эчмиадзин, 1913, стр. 172.

⁴ И. Орбели. Избранные труды, стр. 408.

сал: «Не имея изображения надписи, находящейся в конхе храма св. Рипсимии, не решаюсь высказаться об ее отношении к Комитасу»¹.

В связи с этим у Г. Н. Чубинашвили читаем: «К сожалению, пользуясь только photographиями (точнее—фотографией одной надписи.—Авт.), Орбели не делает никакого палеографического анализа с определением времени исполнения их, мельком упоминая о лигатурах и об общем виде, как не отвечающих VII веку, а формулировки текста заставляют его сомневаться в принадлежности Комитасу» (стр. 33). Далее отмечается, что в своих замечаниях относительно существующих изданий И. Орбели поставил «ряд вопросов, требующих ответа для определения надписей» (стр. 33). Казалось бы, исследователь, использующий надписи, должен был проверить (если не лично, то с помощью специалистов) поставленные И. Орбели вопросы, проверить на самих памятниках. Но Г. Н. Чубинашвили довольствуется лишь сомнениями.

Замечания И. А. Орбели сводятся к следующему:

—первая строительная надпись Комитаса, возможно, переписана или, скорее, составлена другим лицом позднее (причем, говорит он, это отнюдь не категорически);

—храм Рипсимэ построен в VII веке, о чем у И. А. Орбели нет ни малейшего сомнения, но он ставит вопрос—в первоначальном ли виде храм дошел до нас или претерпел изменения?

Г. Н. Чубинашвили делает иные выводы. Он полагает, что существующий ныне храм не тот, который был построен Комитасом в VII в., что он относится к X веку и якобы это его мнение находит косвенное подтверждение в высказываниях И. Орбели. Как видим, налицо

¹ И. Орбели. Избранные труды, стр. 408.

принципиальное различие между тем, что сказано у И. Орбели, и выводами Г. Н. Чубинашвили.

В первые десятилетия XX века, когда Н. Я. Марр и И. А. Орбели писали об армянских надписях, наука об армянской эпиграфике находилась еще в стадии становления. Тогда было собрано около полуторы тысячи надписей, причем, за редким исключением, без фотодокументации и без учета их палеографических особенностей. В настоящее время собрано более семи тысяч армянских надписей с полной научной документацией¹.

Специалисты по армянской эпиграфике, изучив обширный фактический материал, пришли к целому ряду важных выводов, которые должен учесть каждый, кто хочет использовать армянские надписи. Отметим наиболее важные из этих выводов.

1. В армянской письменности V—VII вв., особенно в эпиграфике, наряду с круглыми, монументальными формами, т. н. «еркатагир», применялись также немонументальные, прямоугольной формы, письма, даже скоропись².

2. Отклонения от классического древнеармянского языка в армянской литературе и эпиграфике наблюдаются еще в VII в., причем в эпиграфике, более связанной с повседневной жизнью, это явление выступает гораздо заметнее. Отсюда ясно, что нельзя судить о времени надписей, исходя только из норм классического древнеармянского языка, как часто поступали специалисты в конце XIX и в первые десятилетия XX века.

¹ «Диван хай вимагрутян» (Свод армянских надписей), вып. I, Ереван, 1966, вып. II, 1960, вып. III, 1967.

² Гарегин Овсепян. Материалы и исследования по истории армянского искусства и культуры, вып. III, стр. 14, 22; К. Г. Кафадарян. Первоначальные формы армянского письма. Свод армянских надписей, вып. I, Ереван, 1966, стр. XXII.

3. Лигатуры в армянской эпитафийке встречаются уже в VI и VII вв.

Специалистам по эпитафийке теперь намного больше и лучше известны палеографические, языково-стилистические и другие особенности армянских надписей различных эпох, в том числе надписей V—VII вв., конца IX—начала X вв. и второй половины X в.

Что касается надписей Рипсимэ, то их принадлежность VII веку теперь не вызывает сомнения. Исходить же из устаревших мнений ученых—неправильно.

Примерно так же обстоит дело и со строительной надписью Аручского храма, вызвавшей немало толков, прежде всего потому, что она датирована 29-м годом византийского императора Константина, между тем как он был убит на 27 году своего царствования. Н. Я. Марр и И. А. Орбели считали аручскую надпись поздней копией, а искажение в дате, по их мнению, возникло при ее переписывании¹.

Составитель армянского палеографического атласа Г. Овсепян, в противоположность И. А. Орбели, настаивал на подлинности надписи, но И. А. Орбели находил, что «по внешнему виду надписи, ее с уверенностью можно отнести к XI веку»², ссылаясь при этом на то, что в

¹ Н. Я. Марр. Армянская церковь в Аруче. Изв. Археологической комиссии, вып. 12, СПб., 1904, стр. 61—64; И. А. Орбели. Баганская надпись 639 г. Христианский Восток, т. II, вып. I, СПб., 1913, стр. 142, а также Избранные труды, стр. 404.

Напомним, что ни Н. Я. Марр, ни И. А. Орбели в то время не ознакомились с аручским храмом на месте. Н. Я. Марр в 1892 г., находясь в Аруче, писал: «К сожалению, лихорадка, которой я тогда страдал, изнурила до такой степени, что я не в силах был даже проверить известные в печати сведения» (Н. Я. Марр, ук. соч., стр. 63).

² И. А. Орбели. Избранные труды, стр. 423.

надписи опущены титла над и под четырьмя буквами, имеющими цифровое значение. Между тем титла эти имеются, их можно заметить даже на изданной в 1913 г. фотографии¹.

Г. Н. Чубинашвили в данном случае не соглашается с утверждением И. А. Орбели, что надпись является поздней копией. Он, солидаризируясь с И. Стриговским и другими исследователями, находит, что «плита с надписью составляет полное единство со всей кладкой фасада, как задуманное целое при самом построении здания» и что «надпись эта сделана одновременно с построением в X веке теперь стоящего храма» (стр. 116). Но И. А. Орбели, на которого ссылается Г. Н. Чубинашвили, думал иначе: считая надпись поздней копией, он в то же время не сомневался, что аручский храм сооружен именно в VII в. Кстати сказать, вполне правдоподобно предположение И. А. Орбели, что наиболее вероятной датой надписи является не 29, а 25 год царствования Константина, а ошибка произошла из-за созвучия в армянском языке цифр пять—հինգ и девять—հինգ². Возможно также, что недоразумение, как указывают исследователи, произошло вследствие того, что после Константина III (641—668) престол византийского императора занял Константин IV (668—685).

Г. Н. Чубинашвили опирается на следующее замечание И. А. Орбели: «Темный вопрос о дате аручской надписи еще более затемняется цитатами из Вардана и Киракоса, свидетельствующими о построении аручской церкви при католикосе Анастасии, по словам Киракоса, на пятом году его папства. . .» (цитата приведена на стр. 115). Но тут произошло недоразумение: католикос, занявший престол в 661 г., у И. А. Орбели значится под

¹ Г. Овсепян. Палеографический атлас, табл. 6.

² И. А. Орбели. Избранные труды, стр. 423.

именем Исаея, вместо Анастасия. Однако эта ошибка была исправлена в 1915 г., в следующем томе журнала «Христианский Восток», причем точно было указано, что «Анастасий занимал католикосский престол от 661 до 667/8 г.» и что в прежней статье «вместо Исаея следует читать Анастасия»¹. Однако Г. Н. Чубинашвили, как ни странно, до сих пор, т. е. 50 лет спустя, опирается на это недоразумение, хотя считает возможным «отбросить этот вопрос и предполагать, что поздние историки Вардан и Киракос могли ошибиться, сообщая указанное сведение. . .» (стр. 115). Между тем в источниках, в том числе и в сочинениях Вардана и Киракоса, как и в научной литературе, годы папства Анастасия (661—667) и Исаея (667—677) указаны достаточно ясно и бесспорно².

Таким образом, сведения Вардана и Киракоса не только не затемняют вопрос о дате аручской надписи, а напротив, лишней раз уточняют ее, ибо пятый год папства Анастасия соответствует 665 году.

Насколько односторонне пользуется Г. Н. Чубинашвили эпиграфическим материалом, показывают и другие примеры.

На стене аручской церкви имеется надпись, датированная 867 годом (ՅԺԶ=316 армянского летосчисления). В ней, в полном соответствии со сведениями историков, указываются имена католикоса Захария, князя Армении Ашота и его брата Смбата спарапета, во владения которого действительно входили селения Аруч и Кош, спорившие по поводу раздела воды (что очень характерно для того времени). Г. Н. Чубинашвили раньше датировал эту надпись по малому армянскому летосчисле-

¹ И. А. Орбели. Избранные труды, стр. 437, прим. 1.

² См. М. Орманян. Азгпатум, стр. 745—754 (на арм. яз.).

нию—1400 годом, но, осознав несостоятельность этого, теперь отвергает достоверность даты надписи, ссылаясь на устные высказывания Л. Меликсет-Бека, будто ни палеография, ни язык этой надписи не соответствуют нормам указанного времени. В частности, он указывает на формы, «немыслимые в классическом языке» (стр. 116).

Выше говорилось, что несоответствие с классическим древнеармянским языком и отклонение от него— явление не редкое. Теперь добавим, что не на классическом, а на разговорном языке в это время уже встречаются не только надписи, но и целые сочинения. Другая аручская надпись, датированная 987 годом, вполне устраивает Г. Н. Чубинашвили и он безоговорочно признает ее «очень ценной» и вполне подтверждающей результаты его анализа, согласно которому церковь во второй половине X в. уже стояла выстроенной (стр. 116).

Г. Н. Чубинашвили, вероятно, не известно, что на северной стороне храма в Аруче имеется еще одна надпись, гласящая о том, что аручский кафедрал во второй половине X в.—в 973 г. (ՆԻԲ=422 г. армянского летосчисления) был реставрирован (ՆՈՐՈԳԵՑԱԻ).

Автор игнорирует также Талинскую надпись 901 года (ՅԾ=350 г. армянского летосчисления), текст и фотография которой помещены в палеографическом атласе Г. Овсепяна¹. Но и на сей раз его больше устраивает надпись, датированная 981 годом, и он признает ее «как твердую границу, ранее которой церковь была уже построена» (стр. 126). Тут же Г. Н. Чубинашвили продолжает: «И действительно, я не сомневаюсь в том, что Талин, как и Талиш, постройки примерно середины X века» (стр. 126). В дальнейшем он «уточняет» дату строительства большого Талинского храма: «Более точную границу дают надписи, сделанные в готовом уже храме в 981,

¹ Г. Овсепян. Палеографический атлас, стр. 178, табл. VIII.

1018 и 1040 годах, позволяющие считать, что он построен в середине (в третьей четверти) X века, что подсказывалось и аналогией его с Аручем, построенным в этот же период времени» (стр. 133). Так устанавливается «точная» дата: третья четверть X в. Но на каком основании? Ведь Г. Н. Чубинашвили оспаривает дату Аручского храма и с помощью спорной даты хочет выяснить другую дату, не менее спорную. Разумеется, это не может привести к точным результатам, тем более, что речь идет о перемещении памятника не на десятилетия, а на столетия (с VII до X в.).

В чем подлинный смысл всех этих перемещений? Оказывается, первый грузинский храм, аналогичный Талину, построен во второй половине X века (между 958—964 гг.), значит, армянские храмы никак не могли быть построены раньше него. В этом и заключается сущность всей «аргументации» Г. Н. Чубинашвили. После многочисленных отрицательных характеристик и не очень лестных эпитетов, которыми он осыпает Аручский и Талинский храмы, пишет: «Именно сопоставление Талина с Аручем делает особенно наглядной датировку, предлагаемую для него мною, и тогда приобретает новое значение факт редкости такого плана церквей в Армении, когда в Грузии мы встречаем несколько, при этом величественных и грандиозных как по размерам, так и по художественности замысла и исполнения, кафедралов страны, из которых Ошкский начат постройкой во второй половине X века (между 958—964 годами), Кутаисский в конце X, закончен в 1003 году, а Алавердский в начале XII. Эти кафедралы, действительно, грандиозные художественные сооружения, при этом все X века [sic!]. Факт этот, несомненно, должен быть учтен при разборе Талинской большой церкви, которая, как мы видели, в противоречии с мнениями Линча и Стриговского (можно добавить: и всех других исследователей.— Авт.) ни в коем

случае не может претендовать на действительную художественность и величие» (стр. 133—134).

В таких случаях обычно говорят: комментарии излишни!

В связи с большим Талинским храмом Г. Н. Чубинашвили говорит о «редкости такого плана церквей в Армении», но ему хорошо известно, что огромный кафедральный собор такого типа существовал в Двине. Там уже 25 лет производятся раскопки и по соседству с собором открыты остатки дворца католикоса, базиличной церкви, архитектурные детали с орнаментальной резьбой, позволяющие проследить перестройки собора с V по VII в., а также массовый археологический материал (керамика, металлические изделия, монеты), сопровождающий строительные остатки и бесспорно датирующий их. Но Г. Н. Чубинашвили отмахивается от всего этого; в примечании на стр. 133 он ограничивается перечислением некоторых работ, посвященных Двину (в том числе и монографии руководителя раскопок К. Кафадаряна), и заявляет: «Результаты раскопок. . . не дают, по моему убеждению, материала ни для убедительной реставрации форм его, ни по вопросу о датировке раскрытых раскопками развалин». Даже намек на аргументацию здесь нет; все дело ограничивается декларацией, содержащей лишь голословное отрицание раннесредневековой даты Двинского кафедрала. Такая «позиция» вполне понятна, ибо собор в Двине «мешает» передатировке собора в Талине.

В Талине имеется и малая церковь со строительной надписью Нерсеса Камсаракана, о чем хорошо знает и Г. Н. Чубинашвили. Исследователи указывают, что имя это упоминается на протяжении VI—VIII вв¹. и, конечно, из всех Нерсесов в качестве строителя церкви Г. Н. Чу-

¹ См. И. Орбели. Избранные труды, стр. 434.

бинашвили выбирает самого последнего, как наиболее «подходящего». Он пишет: «Исследователям не удалось пока окончательно выяснить, какого это Нерсеса Камсаракана постройка—начала VII или конца VIII века. Я склонен думать, что она постройка последней из возможных исторических дат, как постарайсь оттенить это в дальнейшем, ибо слишком явно в ней какая-то нарочитость в совершенно собственно обыденных, простых моментах» (стр. 70). «Уточняя» датировку строительства церкви, он в примечании (стр. 70, прим. 2) указывает, что у армянского историка Гевонда около 780—788 гг. упоминается Нерсес Камсаракан. Но автор тут допускает неточность и обнаруживает незнание фактов. Во-первых, никто из исследователей не дотягивает строительство малой Талинской церкви до конца VIII в., напротив, все они исключают такую возможность, ибо последний Нерсес Камсаракан упоминается в числе армянских нахараров, введенных арабским правителем Отманом к Дербенду для строительства укреплений против гуннов и хазаров и там же погибших. Не случайно, что Нерсес Камсаракан на этот раз упоминается без обычной для этой фамилии титулатуры, так как армянские нахарары при арабском владычестве были лишены права наследственного землевладения и своих владений. Следует иметь в виду, что строитель Талинской церкви—не просто Нерсес Камсаракан, а тэр (владетельный князь) Ширака и Аршаруниев, он и Апоюпат патрик; вся эта титулатура уже не могла бытовать во время арабского владычества. Мало того, в Талинской надписи упоминаются также супруга Нерсеса Шушаник и их сын Раат, а в Мренской надписи 639—640 гг., Аламанской надписи 637 г., в достоверности которых не сомневается даже Г. Н. Чубинашвили, как и в других надписях Ширака, вместе с ними—имена известных исторических деятелей первой половины VII века (в том числе византийского

императора Ираклия, правителей Армении Вараз-Тироца, Давида Сааруни и др.)—современников Нерсеса Талинской надписи. Сопоставляя все эти данные, И. А. Орбели и другие исследователи достоверно установили личность упомянутого в Талинской, Аламанской, Мренской и Нахчаванской надписях Нерсеса Камсаракана, построившего перечисленные храмы в пределах 613—640-х годов. Палеографически надпись вполне совпадает с указанными надписями VII в. Что же противопоставляет всем этим фактам Г. Н. Чубинашвили? Ничего.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ФОРМЫ И УБРАНСТВО КАК ДАТИРУЮЩИЙ МАТЕРИАЛ

Анализируя архитектурные формы, Г. Н. Чубинашвили значительное место отводит каменным конструкциям. Это вполне закономерно. Строительная техника так четко и хорошо выявляет все особенности архитектуры своего времени, что уже один вид кладки может служить основанием для отнесения рассматриваемого здания к раннему средневековью или же к более поздним векам.

Стены древних храмов характеризуются значительной толщиной, крупными, глубоко вдающимися в кладку камнями, хорошей отеской и ровными, горизонтальными рядами. Однако наиболее характерная черта кладки ранних сооружений—это горизонтальные фаски, хорошо видные на всех постройках VI—VII вв.

Между тем в постройках IX—XIII вв. камни имеют значительно меньшие размеры и, как правило, фаски отсутствуют. Г. Н. Чубинашвили утверждает, что они встречаются на некоторых памятниках Ани, но это, по-видимому, исключительно местное явление, разумеется, если для кладки соответствующих участков стен не были использованы камни более древних сооружений. Проверить это теперь невозможно, так как Ани находится за рубежом нашей страны. Характерно, что ни на одном памят-

нике на территории Советской Армении, возведенном действительно в IX—XIII вв., мы не находим никаких фасок. С другой стороны, все те памятники, которые действительно возведены в VII в. и лишь произвольно перенесены в IX—XI вв., имеют хорошо видные и четко выполненные фаски горизонтальных рядов кладки.

Особый интерес представляют метки мастеров-каменщиков, причем метки VI—VII вв. значительно отличаются от меток более позднего времени. То обстоятельство, что в X—XIII вв. метки представляли сравнительно редкое явление и набор их небольшой, позволяет без особого труда отделить их от меток предшествующих веков. В постройках VI—VII вв. количество типов меток доходит до 150, причем здесь определенные их группы всегда соседствуют, в том числе и в тех сооружениях, которые Г. Н. Чубинашвили произвольно относит к IX—XI вв. Отметим, что и в этом вопросе автор не использовал исследования, которые появились в последние годы¹.

* * *

В своих анализах Г. Н. Чубинашвили особое внимание уделяет таким элементам, как наружные треугольные ниши и угловые подкупольные переходы. Часто именно эти элементы, вернее наличие или отсутствие их в здании, служат основанием для отнесения памятника к той или иной эпохе.

По мнению Г. Н. Чубинашвили, ниши впервые появились в IX в. (Ширакаван). Он находит, что такие ранние памятники, как Аван, Гаянэ, Мрен, Багаван, не име-

¹ С. Х. Мнацаканян. Метки мастеров-каменщиков и некоторые вопросы организации строительных работ в средневековой Армении. «Патма-банасиракан андес» («Историко-филологический журнал») АН Армянской ССР, 1958, № 3, (на арм. яз.).

ют ниш. Ниш не имеет и Арамус, датированный им VIII веком. Отсюда делается вывод, что все сооружения, имеющие ниши, возведены после VIII в. (стр. 32).

С таким утверждением, конечно, нельзя согласиться. Арамус—памятник вовсе не VIII в.; как, правильно отмечает Н. М. Токарский, он одновременно Аванскому храму. Что касается Мрена и Багавана, то очевидно, что нишам здесь вообще не было места—выступающие абсиды полностью исключают их. Что касается Гаянэ, то размещение восточных прямоугольных комнат на линии выступа восточной абсиды также не давало возможности разместить здесь большие, сколько-нибудь конструктивные и глубокие ниши. Естественно, что зодчий Гаянэ просто отказался от них. Иначе решены ниши в грузинском храме в Цроми—не трудно видеть, что для строителя этого храма ниши явились лишь художественным, а не конструктивным элементом, ибо в конструктивном отношении они здесь излишни. Они, к тому же, и не используются, как обычно, для устройства окон, освещающих абсиду. Ниши в Цроми—это художественный элемент, привнесенный, возможно, из другой архитектурной композиции.

В памятниках VII в., представляющих синтез центричных и продольных систем, ниши на восточном фасаде получают удовлетворительное решение лишь после того, как у восточных комнат появляются большие абсиды (Птгни, Аруч). В строго центричных композициях древней Армении пример ниш дает храм Рипсимэ, однако и здесь они гораздо глубже и мощнее там, где больше мертвая масса кладки (северный и южный фасады), и мельче на восточном и западном фасадах. Наличие боковых прямоугольных комнат, как и в храме Гаянэ, не позволяло разместить здесь большие и глубокие ниши.

Возникшие впервые в Рипсимэ (по крайней мере, именно в этом храме мы встречаем их раньше всего) ни-

ши нашли широкое применение в армянском зодчестве VII в. Утверждение Г. Н. Чубинашвили, что они появились не раньше IX в., абсолютно необосновано. Тот факт, что начиная именно с IX века они теряют свой конструктивный характер и превращаются в элемент декоративного убранства здания, лучше всего доказывает вторичность их в этот период развития зодчества.

В вопросе о хронологии ниш еще явственнее становится вся порочность метода Г. Н. Чубинашвили. Он пишет: «Наличие же на всех четырех фасадах церкви Рипсимэ треугольных в плане ниш заставляет относить дату построения этого здания ко времени не ранее самого конца IX века или, как четко заявлял Т. Тораманян еще в 1911 году (в книге о Текорском храме), до того, как вошел в контакт с проф. Стриговским и усвоил его подходы, что «ниши св. Рипсимэ в Эчмиадзине (618) нельзя датировать ранее чем X веком» (стр. 33—34). Верно, Т. Тораманян писал это. Но почему же Г. Н. Чубинашвили не приводит другое высказывание Т. Тораманяна, где он исправляет свою ошибку и решительно заявляет, что ниши в армянском зодчестве появились гораздо раньше—еще в VII веке¹.

Однако дело здесь не в обычном исправлении ошибок, встречающихся у любого ученого, когда новые факты и последующие исследования приводят его к новым выводам, а в том, что взгляды Тораманяна Г. Н. Чубинашвили самым тесным образом связывает со Стриговским, причем одна и та же мысль об этой зависимости повторяется в «Разысканиях» трижды! Так, говоря о современных исследователях армянского зодчества, он пишет: «Они цитируют Тороса Тораманяна (1864—1934), который во второй период своих работ существенно из-

¹ См. Т. Тораманян. Материалы по истории армянской архитектуры, т. I, стр. 90 (на арм. яз.).

менил под влиянием Стриговского многие свои прежние решения» (стр. 11). В конце книги Г. Н. Чубинашвили возвращается к этому вопросу и отмечает, что «архитектор Торос Тораманян, который сперва работал в контакте с Марром и внимательно подмечал и сопоставлял фактические данные без заранее принятых теорий, после посещения в 1912 г. Стриговского в Вене, усвоил подходы и определения Стриговского, придерживаясь и прилагая их в дальнейшем при ознакомлении с памятниками» (стр. 166).

Говоря откровенно, во всех этих деланных рассуждениях бросается в глаза прежде всего стремление признать заслуги выдающегося ученого, бросить тень на его замечательные работы, являющиеся до сих пор настольными книгами для всех исследователей армянского зодчества. Достаточно ознакомиться со списком трудов Т. Тораманяна, опубликованных в первом томе его работ (стр. 396), чтобы убедиться, что из 43 работ 35, притом основные и определяющие, где изложены все его взгляды, изданы до 1912 года.

Изображая Т. Тораманяна в роли ученика И. Стриговского, Г. Н. Чубинашвили столь же пренебрежительно отзывается о современных исследователях армянской архитектуры, которые, по его мнению, «остаются частично стоять на платформе Стриговского» и «цитируют Тораманяна». Затем он пишет: «В силу этого осталось неучтенным, что в моих печатных работах дается картина постепенного развития армянской архитектуры» (стр. 11). Возможно, что говоря о своих «неучтенных печатных работах», Г. Н. Чубинашвили имел в виду многотомную зарубежную энциклопедию искусств¹, где историю армянского зодчества излагает сам и, разумеется, с тех же неверных позиций, что и в «Разысканиях».

¹ „Encyclopedia of World art“. Vol. I., 1959, p. 716.

Еще более странные впечатления оставляет суждение Г. Н. Чубинашвили о времени появления парусных подкупольных переходов. Появление этого архитектурного решения он связывает с новой эпохой армянского зодчества и безоговорочно относит к X—XI вв.; соответственно датирует и все те сооружения, где встречаются паруса, и в определенной степени связанные с ними многогранные барабаны (Талин, Аруч и т. д.) (стр. 164).

Однако все это не что иное, как результат тенденциозного подхода, имеющего целью всеми средствами отнести к X веку целый ряд замечательных зданий VII века.

Дело в том, что элементы парусного перехода, вернее комбинированный переход, где паруса сочетаются то со ступенчатыми арками, то с тропнями, хорошо известны в армянском зодчестве уже в конце VI в. Древнейший пример тому дает переход храма в Аване, где между ступенчатыми арками угловых 3/4 ниш и большими арками абсид размещены, хотя и небольшие, но самые настоящие паруса.

Наиболее характерная черта парусных или парусно-комбинированных переходов—это горизонтальный импост по кромке парусов, который имеется уже в Аване. И. Стриговский писал, что «над арками устроены 8 парусов» и что там «имеется общий импост с крутой выружкой».

К сожалению, теперь нет этого импоста, сильно разрушены и верхние части самих парусов. Однако и то, что сохранилось, не оставляет сомнения в характере и типе конструкции¹.

Элементы парусного перехода налицо и в храме

¹ Такого импоста нет ни в одной чисто тропневой системе перехода.

Рипсимэ, и в Таргманчаце, где сферические закругления в обоих случаях завершаются довольно широкими горизонтальными импостами.

Парусный переход имел место и в Звартноце. Сохранившиеся камни горизонтального импоста не оставляют в этом никакого сомнения. Однако наличие сравнительно небольших тропов показывает, что переход здесь был комбинированным и тропы врезывались в парус, как это наблюдается в другом памятнике VII в. — в Нор-Кянке (Мачитлу).

Все это показывает, что разработка парусного перехода имела в Армении довольно длинную, более чем полувековую историю, но ко второй половине VII в. армянские зодчие накопили уже достаточный опыт для возведения и чисто парусных переходов (Аруч, Талин, Нижний Талин, Арич).

* * *

В архитектурно-художественном анализе Г. Н. Чубинашвили, который приводит его к передатировке армянских архитектурных памятников, особое место отведено декоративному убранству зданий. Исследователь армянской архитектуры в этом отношении, действительно, располагает весьма богатым материалом, изучение и хронологическая классификация которого способны оказать серьезную помощь в правильной датировке памятников.

Известно, что декоративные мотивы — это не застывшие художественные формы, они развиваются, старые мотивы видоизменяются, часто не очень заметно, а иной раз — до неузнаваемости. Наряду с ними появляются совершенно новые мотивы. Можно сказать, что каждой эпохе свойствен свой комплекс архитектурного декора.

Армянское зодчество VI—VII вв. в стилистическом отношении представляло собой очень целостную карти-

ну, и набор декоративных форм, за редким исключением, сохраняется в течение всей этой эпохи.

Следующий этап развития архитектуры начинается с попыток возрождения древних традиций, причем на первых порах, как известно, повторяются и плановые композиции, и часть декоративных мотивов. Но нельзя не отметить изменение многих архитектурных форм и исчезновение сочного, рельефного орнамента древности: в декоративном убранстве начинает преобладать плоскостное решение.

Однако наряду с этим значительно меняется строительная техника (особенно кладка стен) и уже в самых ранних сооружениях этого периода—конца IX—начала X в.—появляются декоративные мотивы, вовсе не известные в древности. Начиная со второй четверти X в. новые мотивы стали преобладать и к середине XI в. древние формы окончательно сходят на нет.

Совершенно ясно, что чем полнее используется имеющийся материал по декоративному убранству, тем обоснованнее будут выводы исследователя. К сожалению, Г. Н. Чубинашвили, как он сообщает, не располагал «набором полного материала» или же «полным иллюстрирующим аппаратом» (стр. 39), но к исчерпывающему привлечению материала он и не стремился, ставя более ограниченные цели. Главный недостаток его работы заключается в самой методике использования архитектурного убранства армянских памятников и в неправильности подхода к этому материалу.

Неоспоримо, что при датировке памятников с помощью архитектурного декора следует в полной мере учитывать не только ход видоизменений, которые претерпели старые мотивы, но, особенно, и те новые декоративные формы и мотивы, которые вновь появились, ибо, в конечном счете, именно они могут указать время построения данного памятника.

Совершенно очевидно, что: а) если на памятнике встречаются декоративные мотивы (хотя бы даже один мотив), появившиеся впервые не раньше X в., то этот памятник не может быть отнесен к более раннему времени; б) если весь комплекс декоративных мотивов на фасаде здания бесспорно характерен для VII в. (или для V—VII вв.), а более поздние мотивы совершенно отсутствуют, то это здание не может быть отнесено к более позднему времени; в) если отдельные декоративные мотивы пережиточно перешли из VII в. в IX или X век, то нельзя только на этом основании относить древний памятник к позднему времени, т. е. к IX—X вв. Исследователь должен исходить из всего комплекса декоративных мотивов и непременно показать изменения старых и появление новых мотивов.

Все это—элементарные предпосылки изучения архитектурного убранства применительно к датировке средневековых зданий. Приходится напомнить об этом, потому что автор «Разысканий» избрал совершенно иной метод, при котором игнорируются не только видоизменения старых декоративных форм на протяжении VII—X вв., но и вновь появившиеся мотивы. Он нарочито подчеркивает «устойчивость мотивов и сравнительно незначительное с течением времени их видоизменение» (стр. 89), «устойчивость в применении их на протяжении ряда веков с незначительным изменением. . .» (стр. 91). Такая «установка» позволяет ему оперировать отдельными пережиточными мотивами, вырывая их из комплекса декоративного убранства отдельных зданий.

Г. Н. Чубинашвили старательно подбирает орнаментальные мотивы, которые, будучи характерны для VI—VII вв., пережиточно сохраняются и в IX—X веках. Это волнообразный стебель с виноградными листьями и гроздьями, ветки гранат с плодами, арочные декоративные мотивы, треугольники, восьми-, шести- и пятилепестковые

розетки, ланцеты, зубчатые языки, кесonoобразные орнаменты, гладкие профилировки оконных обрамлений и другие.

Было важно тщательно установить видоизменения старых мотивов в IX—X вв. и далее исходить из этих наблюдений. Автор, действительно, отмечает усложнение мотивов, их огрубение, тенденцию к украшательству, некоторую утерю четкости линий узоров, их схематизацию в переходный период от раннефеодальной эпохи к эпохе зрелого средневековья. В этом автор отчасти прав. Но все это относится не к тем памятникам VII в., которые он преддатирует, а к памятникам, действительно построенным в IX—X вв. Говоря о развитии орнаментальных мотивов, можно отметить также заметную утерю рельефности орнаментов, их плоскостность, раздробление сравнительно крупных форм VII в., стремление к созданию более изысканных, хотя и изысканных форм, еще большую стилизацию растительных мотивов, ведущую к геометризации узоров,—явление, ставшее господствующим в XII—XIII вв.

Следует также указать, что усложнение мотивов отдельными растительными атрибутами, стрелками, шариками и другими подобными деталями характерно не для IX—X вв., а для VII в. Что касается линейности и живописности орнаментальных мотивов, то трудно согласиться с Г. Н. Чубинашвили о последовательности перехода от первого ко второму. Хорошо известно, что в раннехристианском искусстве—в рельефах, особенно в мозаичной живописи и стенных росписях—линейная и живописная манеры бытовали одновременно, причем линейность была более характерна для Сирии, Палестины, Армении, а живописность—для Византийской столицы и для Запада (исключая Равенну). Живописность в определенной степени характерна и для грузинского искусства и отдельных памятников армянского искусства. Нам

кажется, что многогранность в ходе развития раннехристианского искусства на Востоке, в частности в Армении, нельзя подменять однообразием.

Автор «Разысканий», говоря об изменениях и стилистических различиях орнаментальной резьбы различных памятников, избегает провести четкую линию между мотивами VI—VII и IX—X вв. и установить различия между комплексами мотивов этих эпох. Он нагромождает друг на друга разнообразные факты и явления различных эпох и этим запутывает неискущенного читателя. Такой упрощенный подход к декору неизбежно ведет и к хронологической путанице: волнообразный стебель с виноградными листьями и гроздьями на ряде памятников VII в. и на памятниках X—начала XI веков (Ахтамар, храм Гагика в Ани) превращается в признак их хронологической близости. Точно так же он чисто формально сопоставляет целый ряд старых мотивов на фасадах храмов Рипсимэ, Сисавана, Птгни, Аруча, Талина, Артика, Мастары и других с аналогичными, но пережиточно повторяющимися мотивами на фасадах Ширакавана, Ахтамара, Татева, Карса и других храмов IX—X веков и таким путем хронологически объединяет здания первой и второй групп. Вслед за этим, сочтя «доказанной» передатировку того или иного памятника VI—VII вв., отнесенного к IX—X вв., Г. Н. Чубинашвили начинает сопоставлять его декоративное убранство с другими памятниками стилистически единой группы VI—VII вв. и на этом «основании» их также передвигает в IX—X вв. Такова методика автора «Разысканий». Так, декор Лмба-та, перенесенного в X в., сопоставляется с убранством Пемзашена (Махмуджук), Гарнаовита (Адиаман), Шеника (Мазарджук), Таллина. Декоративное убранство Гарнаовита, также передвинутого в IX—X вв., в свою очередь сопоставляется с декором Талина, Рипсимэ, Сисавана, Одзуна, Коша и т. д. (стр. 101).

Такой анализ дает заранее предreshенный результат, так как все указанные памятники составляют органическую часть одного архитектурно-художественного направления и среди полутора десятка памятников, переставленных в IX—X вв., всегда найдутся несколько зданий с вполне аналогичными мотивами декоративного убранства.

И если для датировки, скажем, Лмбата X веком привлекаются ранее перекинутые в X в. памятники— Пемзашен, Гарнаовит, Шеник, Талин, то при анализе какого-либо другого памятника приводится уже сам Лмбат, как памятник того же круга, т. е. того же X в.

Выхваченные из памятников, бесспорно датированных IX—X вв., те или иные орнаментальные мотивы, рисунок которых повторяет древние формы, будучи поставлены в ряд с мотивами перенесенных в X в. зданий, они (это орнаменты) создают иллюзию объективности и призваны подтвердить правильность выводов Г. Н. Чубинашвили относительно перенесения даты памятников VII в. в эпоху IX—X вв.

Но такая методика не может удовлетворить даже минимальные требования историко-художественного анализа, ибо нельзя доказательство одного положения основывать на еще недоказанном другом.

Выше говорилось, что в новых исторических условиях на рубеже IX—X вв. начинает складываться новое архитектурно-художественное направление, новый стиль, ибо новая эпоха требует и нового подхода к декору. Появляются новые орнаментальные мотивы, старые уступают им место и постепенно отпадают.

«Пополнение набора новыми узорами, особенно по мере приближения к эпохе зрелого средневековья», признает и автор «Разысканий» (стр. 91). Почему же он не привлекает эти новые мотивы? Ведь таких мотивов не мало, а некоторые из них фигурируют и в приведенных

Г. Н. Чубинашвили таблицах (см., например, № 143а, 144, 147). Он избегает их и полностью игнорирует. Автор «Разысканий» не может не знать, что ни один из вновь зародившихся мотивов никогда не встречается в древности (в V—VII вв.) и ни на одном из передатированных памятников не найти и подобия этих орнаментов, характерных именно для IX—X вв. Этим, по-видимому, и объясняется такое «выборочное» сопоставление, являющееся основой всего анализа Г. Н. Чубинашвили.

Здесь нарушено элементарное требование к любому историко-археологическому исследованию. Хорошо известно, что всякий археологический и историко-культурный комплекс должен датироваться исходя из самой поздней даты входящих в комплекс предметов. Например, время захоронения любого монетного клада не может быть раньше той монеты этого клада, которая имеет наиболее позднюю дату.

Это можно сказать и об архитектурных памятниках—они также датируются с учетом наиболее поздних по времени характерных черт (если, конечно, они не перестроены) и независимо от содержащихся в них пережиточных древних форм. Нельзя датировать поздним временем особенно те постройки древности, у которых нет ни одной новой черты, ни одного нового декоративного мотива. Точно так же совершенно недопустимо датировать их более поздним временем лишь на основании того, что в ряде действительно поздних памятников, наряду с принципиально новыми решениями, удерживаются некоторые старые элементы, хотя бы в декоре.

Г. Н. Чубинашвили поступает вопреки этим элементарным требованиям датировки. Он сопоставляет декоративные мотивы древних зданий с мотивами, воспроизведенными на новых (IX—X вв.) памятниках, и старательно избегает даже упоминания не встречающихся ранее орнаментов новой эпохи, не известных на фасадах

древних памятников. А таких декоративных мотивов немало на всех без исключения памятниках IX—X вв., но их вовсе нет ни на одном передатированном памятнике.

Приведем пример. Отмечая бровку восточного окна собора в Татеве, где повторяется хорошо известный в древности мотив крестиков из ланцеток, Г. Н. Чубинашвили даже не упоминает новый, совершенно оригинальный орнамент на бровке северного окна того же храма—мотива, которого нет ни на одном памятнике, перенесенном из VII в IX—X вв. Г. Н. Чубинашвили не может не знать о существовании этого орнамента, опубликованного в издании, на которое он ссылается¹. Таких фактов в «Разысканиях» великое множество.

Бросается в глаза и то, что Г. Н. Чубинашвили ограничивается лишь формами своеобразно подобранного декоративного убранства, тогда как не меньшее, если не большее значение имеют и архитектурные формы зданий, прекрасно характеризующие черты эпохи: формы ступенчатого цоколя, формы портиков, декоративных арок, перемычек, формы окон, карнизов, уклоны скатов кровли, формы перекрытий и т. д. Анализ и сопоставление этих форм не оставляет камня на камне от «доказательств» Г. Н. Чубинашвили, от искусственной передатировки до двух десятков памятников армянской архитектуры с VI—VII в IX—XI вв.

На стенах армянских храмов VII в., кроме растительных и геометрических орнаментов, встречается немало изображений животных, людей, даже целые сюжеты и композиции. Время их определяется путем комплексного изучения таких рельефов на протяжении всего периода IV—VII вв., путем искусствоведческого анализа и на широком фоне художественного развития Визан-

¹ С. Х. Мнацаканян. Сюникская школа армянского зодчества, Ереван, 1960, стр. 111.

тии, Сирии, Ирана и Грузии¹. Часть фигур с сюжетов Г. Н. Чубинашвили не подвергает сомнению в тех случаях, когда они находятся на стенах памятников, оставленных им в VII веке. Если же фигуры высечены на памятниках, подвергшихся передатировке, то, конечно, признаются поздними произведениями искусства. Даже в том случае, когда отличаются более архаичными чертами и принадлежат времени, предшествующему VII веку! Таковы, например, сюжеты известного одзунского мемориального памятника, который вряд ли может быть датирован временем позднее конца V или началом VI в. Целая группа рельефов имеется на стенах храма Птгни, «переброшенного» в X в. Тут и фигуры апостолов, заключенные в простые круглые медальоны, и сцена Вознесения Христа, сходная с композицией Вознесения креста Мцхетского Джвари, но в Птгни фигуры еще сохраняют некоторые античные черты. На горизонтальных отворотах арки над южным входом помещены рельефы скачущего всадника, стреляющего в зверя из лука, и пешего молодого охотника с копьем в руках, единоборствующего со львом. Своими архаичными чертами эти рельефы, в известной мере имеющие аналогии в сасанидских сюжетах, находят место среди рельефов Армении VI—VII вв. и четко отличаются от поздних рельефов, в том числе от рельефов Ахтамарского храма начала X в., хотя последние и явно повторяют более ранние формы².

Рельеф конного всадника в Птгни снабжен армянской надписью Մանուէլ Ամատունիսցաւ տէր (Мануэл владетельный князь Аматоуни). Князя Аматоуни владели частью Айратской области, имея свою резиденцию в

¹ Б. Н. Аракелян. Сюжетные рельефы Армении IV—VII вв., Ереван, 1949 (на арм. яз.).

² Г. Овсепян. Материалы и исследования по армянскому искусству и культуре, вып. III, стр. 25—27 (на арм. яз.).

Ошакане; село Птгни, расположенное недалеко от него, не составляло исключения. Князья владели этим краем до конца VII—начала VIII вв. и, казалось бы, могли построить храм в Птгни не позднее VII в. Тем более, что потомки этого рода, хотя и упоминаются в последний раз в конце IX в., но уже не в Айраратской области, где их владения достались князьям Пахлавуни, а на юге Армении. Ранняя дата храма в Птгни подкрепляется и другими рельефами—изображением льва под пальмовым деревом, множеством изображений птиц в подковообразных арочках оконных наверший северного фасада церкви, восемью разновидностями рельефов кувшинов на северном карнизе, которые как бы повторяют формы сасанидских сосудов и не встречаются позднее VI—VII вв. Все это, вместе с архитектурными формами и особенностями храма в Птгни, вполне подтверждает ее дату: VI—VII вв.

Для датировки некоторых других памятников, в частности Лмбатаванка, Аруча, большой церкви в Талине, Зоравара (возле Егварда), важное значение имеют также сохранившиеся на их стенах росписи.

Эти росписи изучены таким авторитетным исследователем в области истории живописи, как Л. А. Дурново. Подвергнув их стилистическому анализу, исходя из их иконографических и других особенностей, она не сочла возможным отодвинуть дату росписей позднее VII в. В этом ее убеждало также сопоставление указанных стеновых росписей с сирийской, византийской и грузинской живописью VI—VII вв¹.

Разумеется, на стенах ранних сооружений могут быть и обычно бывают поздние росписи, но стены храмов в Аруче, Лмбатаванке, Талине и Зораваре не могли же быть расписаны до их возведения!

¹ Л. А. Дурново. Краткая история древнеармянской живописи, Ереван, 1957, стр. 9—14.

Г. Н. Чубинашвили, конечно, знаком с работами Л. А. Дурново, но он их игнорирует. В отношении росписей автор «Разысканий» ограничивается простым заявлением, что они не могут быть датированы VII веком, так как находятся на стенах поздних храмов, хотя поздняя их дата остается недоказанной. И снова возникает заколдованный круг: бездоказательные заявления основываются на недоказанных утверждениях.

ПАМЯТНИКИ «ТИПА ДЖВАРИ»

Первая глава «Разысканий», озаглавленная «Памятники «типа Джвари», почти в точности повторяет аналогичный раздел одноименной монографии автора¹. Однако если такое заглавие вполне правомерно в книге, посвященной грузинской архитектуре, то механическое перенесение его в «Разыскания» по армянскому зодчеству сразу же выдает намерения автора.

Глава начинается с общего обзора храмов типа Аван-Рипсимэ, причем с первых же страниц проявляется резко отрицательное отношение автора к этим зданиям. Уже древнейший памятник данного типа—Аван, по его словам, «выделяется своей неоформленностью» (стр. 15); Рипсимэ, оказывается, «не творческая постройка, а подражание и при этом с грубыми нарушениями художественности» (стр. 16); Таргманчац «показывает нигде не переступающие границы своего скромного дарования данные строителя» (там же); Гарнаовит (Адиаман) «представляет собой типично провинциальное повторение» (там же). Композиции интерьеров армянских памятников, по словам автора, «чувствительно разбивают цельность художественного впечатления. . . Вместо ритмического чередования, так блестяще осуществленного в Джвари, здесь—разорванность и бессвязанность» (стр. 19).

¹ Г. Н. Чубинашвили. Памятники типа Джвари, Тбилиси, 1948.

Не лучше положение и в экстерьере. «Насколько неудачна. . . разбивка в Рипсимэ, видно из сопоставления даже с таким провинциальным; кое в чем малограмотным памятником, как Адиаман» (стр. 25). В конце концов Г. Н. Чубинашвили приходит к выводу, что армянские памятники этого типа «не представляют собой выдающихся в художественном отношении архитектурных произведений, а можно сказать как раз наоборот» (стр. 28). Эти сооружения не что иное, как «средней руки памятники» (стр. 39), «очень посредственные художественные произведения. . .» (там же), которые «обнаруживают общую зависимость от . . . Джвари» да и «в смысле художественного акта эти строения не-соизмеримы» (стр. 37).

Однако цель автора не только очернить и убедить читателя в ремесленном характере армянских памятников. Когда-то Дюбуа писал о полной зависимости грузинского зодчества от армянского. Теперь Г. Н. Чубинашвили это «ложное, поставленное **вверх ногами положение** о грузинской с армянской архитектурах» (стр. 37; курсив наш. — **Авт.**) стремится повернуть на 180°; для чего перемещает в формуле Дюбуа ее компоненты: на место Армении ставит Грузию и таким образом все ставит «на ноги», иначе говоря, армянскую архитектуру ставит в зависимость от грузинской. Этот тезис Г. Н. Чубинашвили отстаивает уже в течение нескольких десятилетий. Именно для этого и понадобилось ему исказить историю развития армянского зодчества, вывести все центрические типы из одного единственного типа и то будто бы заимствованного из грузинского зодчества. Идея абсолютной доминанты Грузии над Арменией во всех этих рассуждениях выражена с предельной ясностью.

Г. Н. Чубинашвили в этой связи пишет, что «установленное положение разрушает—во всяком случае непосредственное—развитие этого типа Kuppelquadrat mit Strebenischen in Achsen und Ecken (т. е. тип Авана.—**Авт.**) из прос-

того Kuppelquadrat-а типа Мастары. . . Тогда станет, однако, совсем в ином свете значение типа тетраконха, считаемого Стриговским собственно производным из Kuppelquadrat-а» (стр. 39.).

Соответственно этому тезису и размещены в «Разысканиях» все центрические композиции и именно в такой очередности они и рассматриваются.

Таким образом, получается, что разработанный в Грузии «тип Джвари» оказался исходным для развития всех центральных типов армянского зодчества, причем развитие шло по пути неуклонного упрощения первоначальной композиции.

Однако все это нужно еще доказать и обосновать на материале реально существующих памятников. Как это делает Г. Н. Чубинашвили?

Прежде всего выдвигается конфессиональный фактор, а затем тесно связанная с ним проблема датировки. Что касается конфессионального фактора, то выше мы останавливались на этом вопросе и старались показать его беспочвенность: халкедонитский католикос византийской части Армении Иоанн просто не мог копировать композицию кафедрального собора тогда еще антихалкедонитской Грузии.

Относительно даты Джвари и Авана следует отметить следующее. Г. Н. Чубинашвили на основе косвенных данных датирует Джвари 586—604/605 годами. Между тем последние исследования грузинских источников показали, что Джвари, по всей вероятности, был заложен гораздо позже, в начале VII в. Вместе с тем грузинские хроники не оставляют сомнения, что строительство храма не было завершено даже в 20-х годах VII в., т. е. ко времени походов византийского императора Ираклия¹.

¹ П. М. Мурадян. Армянская надпись храма Джвари, «Лрабер» («Вестник общественных наук»), АН Армянской ССР, 1968, № 2, стр. 55.

А что можно сказать о дате Авана? Как известно, халкедонитский католикосат в Аване был создан Византией сразу после раздела Армении в 591 г. Ясно, что только тогда и могло быть начато строительство нового кафедрального собора, причем его местоположение почти на самой границе, недалеко от центра антихалкедонитской армянской церкви—Двина, было выбрано по сугубо политическим соображениям.

Но вот в 602 г. персидские войска начали крупные военные действия и вскоре захватили почти всю Армению. Католикоса Иоанна они взяли в плен в г. Карине. В плену он и умер в 609 г. Как сообщает Себеос, тело его привезли в Аван и похоронили возле построенного им храма.

Что касается завершения строительства храма, то в специальных работах обычно датируется 591—609 годами. Между тем после 602 г. не может быть и речи о какой-либо строительной деятельности в Аване, к тому же захват этого пограничного городка означал немедленное упразднение халкедонитского католикосата. Об этом свидетельствуют грузинские источники. Так, в труде историка IX в. католикоса Арсена сказано, что «католикос Мовсес прогнал сторонников Иоанна»¹. Но тот факт, что сам Мовсес умер в 604 г., не оставляет сомнений в том, что захват халкедонитского католикосата произошел сразу после начала военных действий персов².

Все это приводит к тому бесспорному выводу, что Аван был возведен в течение 591—602 гг., что строительство его завершилось несколькими десятилетиями раньше, чем строительство Джвари.

¹ Л. Меликсет-Бек. Армения и армяне по грузинским источникам, Ереван, 1934, стр. 44 (на арм. яз.).

² Гр. Ачарян. Словарь армянских личных имен, Ереван, 1946, стр. 434 (на арм. яз.).

Как видим, отпадает еще один необоснованный тезис Г. Н. Чубинашвили, будто «бесспорно доказывается хронологическая последовательность: «Джвари—90-е годы VI века, Аван—первое десятилетие VII века» (стр. 37).

* * *

Посмотрим теперь, как объясняет Г. Н. Чубинашвили определенную общность плановых композиций Джвари и Авана. Он пишет: «... в чем же залог того, что Аван создан не самостоятельно, не независимо от Джвари? Мне кажется, что это бесспорно доказывает одна деталь—самостоятельный вход в одно только юго-западное угловое помещение. Именно, в Джвари имеем мы эту совершенно индивидуальную деталь; выделение особой комнаты для женщин (как это разъясняется надписью в ней). Очевидно, об этой удивительной детали Джвари узнал аванский архитектор и счел необходимым применить ее» (стр. 37—38). Этим исчерпывается вся «аргументация». Мало того, Г. Н. Чубинашвили, оказывается, точно знает, что зодчему Авана «только на словах стало известным, в чем суть плана этой композиции.—именно плана, т. е. общие формы пространства, не внешние массы храма. Что он был оповещен именно о плане, вполне понятно, если исходить из общих установок эпохи—интерес в архитектуре был прежде всего направлен на оформление пространства, а не наружных масс здания» (стр. 38).

Но такая постановка просто несерьезна, а аргументация совершенно несостоятельна. Тут сказывается стремление как-нибудь объяснить различие в объемно-пространственном решении обоих храмов, показать, почему архитектор Авана, «перенимая» формы Джвари, не полностью «скопировал» его, почему вся композиция Авана включена в прямоугольный абрис внешних стен,

тогда как Джвари решен на основе свободного креста. Г. Н. Чубинашвили остается лишь предположить, что воображаемые рассказчики помнили лишь внутренний контур композиции и эту «совершенно индивидуальную деталь» — отдельный вход в юго-западную комнату. Зато из памяти их начисто вылетело все, что касалось общей композиции здания, контуров внешних стен, абсид и угловых комнат. . . И вот, наслышавшись этих рассказов о плане, «недаровитый архитектор Авана» (выражение Г. Н. Чубинашвили — стр. 38) «стал комбинировать, используя этот композиционный мотив, но комбинировать в привычных ему формах внешнего прямоугольника по знакомым ему прямоугольным зданиям базилик» (там же).

Но при чем тут базилики? Дело в том, что аванский храм Г. Н. Чубинашвили трактует как древнейшее купольное сооружение Армении — во всяком случае в «Разысканиях» нет ни слова о традициях возведения подобных сооружений до Авана, о каких бы то ни было более древних купольных постройках армянского зодчества в стороне от влияния грузинских типов.

Вернемся к плановой композиции Авана. Утверждение Г. Н. Чубинашвили, будто строитель Авана узнал от третьих лиц об этой «удивительной детали» — отдельном входе в помещение для женщин и «счел необходимым применить ее», — не выдерживает никакой критики. Как известно, на протяжении всего средневековья армянская церковь держала под своим строгим контролем все культовое строительство в стране; формы строящихся храмов должны были соответствовать определенным требованиям, и любое такое сооружение предварительно утверждалось епископом¹. При нарушении установленных требований предписывалось незамедлительно

¹ Армянский судебник Мхитара Гоша, Ереван, 1954, стр. 69.

сносить даже возведенные храмы. Понятно, что устройство специального помещения для женщин и отдельного для них входа являлось отнюдь не второстепенным делом, зависевшим от инициативы архитектора.

С другой стороны, храм в Аване—вовсе не единственный памятник с отдельным входом в западное угловое помещение: аналогичные входы, причем в обоих западных помещениях, имеются и в таких антихалкедонитских центрах, как Рипсимэ и Гарнаовит. А это, в свою очередь, не оставляет сомнения, что и в Грузии и Армении архитектура развивалась в основном вне рамок различных церковных догматов, и общее представление о культовом здании (включая и требование отдельного входа в помещения для женщин), сами обычаи и привычки были, видимо, общими для обоих народов и имели глубокие корни; эти обычаи не могли поколебать никакие расхождения догматического характера.

По всем этим причинам вполне понятно существование отдельного входа для женщин в храмах раннего средневековья не только Грузии, но и Армении. И, конечно, наличие аналогичных деталей в Аване, Рипсимэ и Гарнаовите нельзя рассматривать как случайное явление. По нашему мнению, к числу таких примеров следует отнести и входы в западные угловые части Эчмиадзинского храма. Закрытые занавесами, они представляли собой вполне изолированные помещения, где женщины могли собираться до начала богослужения, оставаясь там и во время литургии.

Доводы Г. Н. Чубинашвили опровергаются и другими фактами. Общеизвестно, что вплоть до церковного разрыва, т. е. до начала VII в., армянская антихалкедонитская церковь была главенствующей на Кавказе, и Эчмиадзинский храм еще с V в. равным образом почитался и грузинами. Именно здесь, в Эчмиадзине, в течение семи лет настоятелем храма являлся будущий католикос Грузии Кюрион.

В этих условиях не исключено, как указывал еще Н. Я. Марр, что именно крестообразная композиция Эчмиадзинского храма V в. с ее величайшей святыней—реликварным крестом Григория Просветителя, возвышающимся в центре храма, точно под куполом, послужила исходной для возведения также крестообразного (хотя и другой композиции) храма над такой же святыней грузинской церкви—Мцхетского креста. (Мы здесь имеем в виду лишь самый принцип центрического храма). В связи с этим особое значение приобретает наличие двух небольших входов в западные угловые части Эчмиадзинского храма, возведенного на сто с лишним лет раньше Джвари. О существовании определенных связей с Арменией указывает также строительная надпись на армянском языке в Джвари, высеченная параллельно с грузинской, на основании возвышающегося в центре храма Креста¹, а также метки мастеров-каменщиков на стенах храма в виде букв армянского алфавита, свидетельствующие об участии армянских мастеров в строительстве Джвари.

Говоря о Джвари, Н. Я. Марр писал: «Строители сооружая его, не могли иметь в виду церковь Рипсимей, построенную католикосом Комитасом: армянский католикос приступил к постройке Рипсимей в 619 году. Значит, до этого года архитектурный тип с особенностями его был уже известен ближе всего, надо думать, в том же Вагаршапате... Художественные вкусы грузин и армян, как и многие их религиозные предания и обычаи, проявляли сродство столетия спустя, после церковного их разрыва. При постройке храма Креста намечается, кроме того, лицо, которое могло повлиять на выбор образца. Это—иерарх, игравший первенствующую роль в церковном разрыве армян и грузин, именно грузинский католикос Кирион; до вы-

¹ П. М. Мурадян. Армянская надпись храма Джвари, стр. 60.

бора в католикосы Грузии Кирион семь лет был настоятелем Эчмиадзинского собора»¹.

Приходится сожалеть, что когда писались эти строки, Н. Я. Марру не был известен такой узловой памятник данного типа, как храм в Аване.

* * *

Ограниченные рамки настоящей брошюры не позволяют подробно говорить о тенденциозных высказываниях Г. Н. Чубинашвили об объемном построении храма в Аване, о фасадах и о композиции интерьера. Однако на двух вопросах, имеющих принципиальное значение, следует остановиться. Первое—это проблема парусов.

Еще Стриговский отмечал наличие парусов в Аване. У Г. Н. Чубинашвили эти паруса почему-то превратились в «сферические закругления стены». Такое искажение действительности не случайно. Дело в том, что паруса Авана никак не «втискивались» в его схемы—ведь отсюда, от этих парусов лишь один шаг до парусов Аруча и Талина—памятников, которые сдвигаются к X в., именно исходя из наличия там парусных переходов. При этом любопытно, что одинаковые в конструктивном отношении решения в одном случае у Г. Н. Чубинашвили получают одно название, в другом—иное. Например, говоря о Зораваре, церкви VII в., он пишет: «Переход под круг барабана купола (через его выступающий карниз) создают плоских восемь парусов, поднимающихся над стыком внешних арок каждой пары абсид» (стр. 158). Совершенно правильно. Но ведь тот же восьмигранник налицо и в Аване, и хотя стороны здесь не равны меж-

¹ Н. Я. Марр. По поводу работы архитектора Т. Тораманяна «О древнейших формах Эчмиадзинского храма». Записки Вест. отд. имп. Русск. арх. об-ва, т. XIX, СПб., 1909 (отдельный оттиск, стр. 5).

ду собой, однако в пазухах арок размещены такие же плоские паруса. Так почему же в Зораваре этот элемент назван парусом, а в Аване лишь «сферическим закруглением стены»? По Г. Н. Чубинашвили, парусные переходы возникли в Армении не раньше X в., и именно поэтому целый ряд построек с парусами переносится в IX—X вв. Отсюда ясно, почему он «не находит» в Аване, точно датированном памятнике конца VI в., какое-либо подобие парусов¹.

Поверхностные и бездоказательные утверждения, игнорирование фактов, которые с избытком заменяются произвольными предположениями—все это особенно бросается в глаза в разделе, где делается попытка показать различия между объемно-пространственными композициями Авана и Джвари и вскрыть их корни. Действительно, если Аван—это «перепев» Джвари, то почему архитектор Авана не скопировал Джвари целиком и чем объясняются различия даже в планах обоих храмов? Это остается без объяснений, если не говорить о многочисленных предположениях, каждое из которых основывается на предшествующем, столь же недоказанном, как и последующее. Характерно, например, предположение, согласно которому появление в Армении храма типа Джвари зависело от случайной прихоти католикаса, который «нарочито мог задаться мыслью о создании подобного храма» (стр. 37). Но зодчему—строителю Авана лишь на словах объяснили, в чем суть плана Джвари и

¹ Перенесение парусного перехода в X в. делает данную конструктивную форму в Грузии на век древнее (Вачнадзинская Квела-Цминда, Г. Н. Чубинашвили, Архитектура Кахетии, стр. 287). Не случайно и то, что точно датированная крестообразная церковь Севанского монастыря (874 г.) также перенесена в X в. именно по наличию там парусного перехода. См. «Разыскания», стр. 86.

«несомненно . . . сам архитектор Авана не видел своими глазами Джвари» (стр. 37). Но непонятно, почему зодчий Авана не мог поехать во Мцхет, чтобы увидеть храм собственными глазами, и вообще откуда все это известно Г. Н. Чубинашвили? Все эти надуманные рассуждения имеют целью навязать другим иллюзорные представления о несамостоятельности архитектуры Авана, иначе пришлось бы оставить в силе прежние убеждение автора, а именно: «Отличие в формах армянских церквей от Джвари вызвано сознательным подходом армянина-зодчего к проблеме фасадов в церквах этого типа, неразрешенной еще без остатка в Джвари» (стр. 37).

Поездка во Мцхет вряд ли была сопряжена с трудностями. Смогли же поехать туда армянские мастера, участвовавшие в строительстве Джвари, или же архитектор-скульптор Тодосак и его друзья, которые потянулись еще дальше—в Атени, будучи приглашены для возведения там большого храма. Армянские мастера совершали куда более длительные путешествия: они строили храмы в Иерусалиме.

Однако у Г. Н. Чубинашвили не сходятся концы с концами. Оказывается, зодчий Авана все же, видимо, побывал в Джвари, так как «форма купола на восемь граней повторяется в Аване тоже, как я думаю, по примеру Джвари» (стр. 38). Однако это не помогло делу, так как «дарование аванского зодчего. . . не было таково, чтобы мы имели право предположить, что . . . неясности решения фасадной проблемы зодчим Джвари были замечены им» (стр. 37).

Во всей этой истории есть одно «но»: Аванский храм был завершен не позднее 602 г., тогда как строительство Джвари, как свидетельствуют грузинские хроники, продолжалось еще в двадцатых годах VII в. Зодчий Авана, очевидно, не мог заимствовать формы несуществовавшего еще купола Джвари.

Тенденциозный подход автора столь же ясно проявляется и в отношении других памятников. В армянском зодчестве VI—VII вв., кроме Авана, сохранился целый ряд других замечательных сооружений—Арамус, Рипсимэ, Таргманчац, Гарнаовит, Сисаван. Даты этих памятников также передвинуты на 200—300 лет, причем ни один из них, как явствует из «архитектурно-художественного анализа» автора «Разысканий», не обладает даже скромными художественными достоинствами.

Наиболее ранним из этой группы храмов (это признает и Г. Н. Чубинашвили) является Арамус. Это небольшое здание, возведенное на землях, искони принадлежавших католикосскому дому, отличается целым рядом архаических черт. Н. М. Токарский справедливо датирует его временем строительства Аванского храма. К сожалению, об Арамусе не сохранились ни сведения современников, ни строительные надписи. Наиболее ранние сведения о нем находим у историка X в. Иоанна Драсханакерци, приписывавшего строительство церкви католикосу Давиду (728—741 гг.). Однако в те времена не могло быть и речи о возведении нового храма, так как страна была охвачена пожарами, а католикос вынужден был оставить трон и укрыться в своем родовом поместье. Правы исследователи, трактующие слово ՇԻՆԵԼ как «отстраивать», «возобновить», с чем полностью согласуются и архаичные архитектурные формы здания. Между тем Г. Н. Чубинашвили, не обращая, в сущности, никакого внимания на эти формы, безоговорочно датирует церковь VIII веком и делает отсюда далеко идущие выводы. По его мнению, отсутствие ниш в Арамусе отодвигает время возведения всех других зданий с нишами на несколько веков вперед, в IX—X века. С такой же легкостью храмы Рипсимэ и Таргманчац, Гарнаовит (Адиаман) и

Сисаван объявляются памятниками другой эпохи, совсем другого периода развития армянского зодчества.

В этой связи особый интерес представляет свидетельство историка XIII в. Степаноса Орбеляна о том, что кафедра халкедонитского католикоса Иоанна находилась в Арамонке, а впоследствии, в начале VII в., была захвачена католикосом Абраамом¹. Об этом сообщают и грузинские источники. Мы уже упоминали труд католикоса Арсения, когда говорили об изгнании сторонников Иоанна из Авана. Среди монастырей, где постигла их та же участь, он отмечает и Арамонк².

Когда вслед за изгнанием византийских войск под эгиду антихалкедонитского католикоса подпали почти все выдающиеся культовые центры страны, в 607 г. был созван большой церковный собор в Двине. Здесь среди других присутствовали также представители Авана и Арамонка³. Это означает, что ни Аван, ни Арамонк не были разрушены, они полностью сохранили значение крупных культовых центров, откуда посылались представители на общенациональный собор армянской церкви. Конечно, они теперь находились (как и целый ряд других культовых центров бывших византийских владений) под эгидой двинского антихалкедонитского католикосата, причем в решениях собора особо отмечалось о низложении всех тех священнослужителей, которые хоть в какой-то мере примыкали к халкедонизму.

Параллельный анализ исторических сведений и архитектурных форм храмов Авана и Арамонка не оставляют

¹ Степанос Орбелян. История области Сисаван, Тифлис, 1911, стр. 90 (на арм. яз.).

² Л. Меликсет-Бек. Армения и армяне по грузинским источникам, стр. 44.

³ Книга посланий (Гирк тхтош), Тифлис, 1901, стр. 151 (на арм. яз.).

сомнения, что последний входил в круг аванского католикосата, ктитором которого был, вероятно, как это отмечает Н. М. Токарский не кто иной, как тот же католикос Иоанн.

Храм Рипсимэ. . . Мы подошли к памятнику, который по праву считается одним из великих достижений средневекового армянского зодчества. И тем не менее именно этот памятник вызвал ожесточенные нападки Г. Н. Чубинашвили. Не осталось буквально ни одного свидетельства о нем, ни одной надписи на его стенах, которые не брались бы под сомнение, не подверглись бы самому тенденциозному «осмыслению». В архитектурных формах храма автор не находит не только художественного, но вообще ни одного удачного решения, все «неправильно», причем формы здесь «искажены» еще больше, чем в Аване. Все это вскрывается с помощью того же злополучного универсального «архитектурно-художественного анализа», которым можно «опровергнуть» все что угодно. Себеос, историк VII в., пишет, что «католикос Комитас снес часовню св. Рипсимэ в городе Вагаршапате, построенную св. Сааком. . . Так как она была очень низка и темна. . . построил церковь, но тело блаженной оставил на открытом воздухе из-за сырости стен, ожидая пока высохнет известь, после чего его положили на свое место»¹. Об этом сообщении Себеоса Г. Н. Чубинашвили пишет, что оно «не содержит в себе никаких деталей о самом здании; правда, у других историков нет сообщений, которые бы можно было противопоставить этому, но это не достаточный аргумент, когда формы храма нарушают, противоречат общему ходу развития армянской архитектуры» (стр. 32—33).

В принципе это соображение не вызывает возражений. Аналогичный случай имел место и в Арамусе, ког-

¹ История епископа Себеоса, Ереван, 1939, стр. 76.

да авторы, писавшие спустя 200—600 лет после описываемых событий, путали даты строительства и восстановления, приписывали здание, возведенное в конце VI в., католикосу, жившему во второй четверти VIII в.

Примечательно, что все эти факты старательно обходятся, когда речь идет об Арамусе, но зато они выдвигаются на первый план при рассмотрении храма Рипсимэ. Таким путем Г. Н. Чубинашвили пытается отодвинуть дату его на целых 300 лет. Однако если об Арамусе писали позднейшие авторы, то о храме Рипсимэ сообщает историк-очевидец. Не случайно, что история возведения Рипсимэ выделена в отдельную главу, что он не делает даже для Звартноца. Сообщения Себеоса подтверждают не только современные ему авторы, но и историки последующих веков. Г. Н. Чубинашвили нечего противопоставить этому свидетельству. Он этого и не делает, но утверждает, что якобы Себеос говорит не о памятнике, который стоит теперь на окраине Эчмиадзина. Ведь этот храм, видите ли, имеет ниши, между тем, на основании датировки Арамуса, он «установил», что ниши в армянском зодчестве VII века вообще неизвестны. Именно это обстоятельство «отодвигает» возможное время построения стоящего ныне, искаженного поздними реставрациями, но и первоначально не блеславшего высокими качествами здания от запечатленного историком Себеосом и двумя надписями на самом храме события—от постройки в 618—619 году церкви» (стр. 32). Но Г. Н. Чубинашвили все же не может отрицать факт строительства храма Рипсимэ католикосом Комитасом. Он утверждает лишь, что «архитектор теперешней церкви Рипсимэ, может быть следуя в основном плановому построению здания времен католикоса Комитаса, постарался сделать грандиозное сооружение на месте погребения св. Рипсимэ. . . Он удачно использовал с.-в. угловую комнату, как дополнительное помещение перед погребальной крип-

той» (стр. 39). Не трудно видеть, в какие дебри противоречий попал здесь автор. С одной стороны, он не может не признать, что существующее ныне здание возведено на древней усыпальнице, что в VII в. именно здесь католикос Комитас построил свой храм. С другой стороны, большие плиты под пилонами храма, имеющие характерную для античной архитектуры профилировку, говорят о том, что до возведения храма в 618 г., здесь, по всей вероятности, стояло какое-то античное здание.

Но кто же снес до основания старое здание и на том месте построил новый храм? Причем построил его по всем правилам древней строительной техники, заставил мастеров сделать около трех десятков меток, относящихся к VII в. Более того, строитель храма применил фаски и замечательные тромповые конструкции, строго проследил за тем, чтобы в декор не попал ни один новый мотив, характерный для IX—X вв. И в завершение всего этого он приписал храм католикосу Комитасу, жившему за три века до него, закрепил это от его имени двумя строительными надписями, причем буквы надписи и язык изложения строго скопировал с древних образцов. Все это было сделано такой степени искусно, что люди были введены в заблуждение, в том числе и современник нового храма, известный историк, католикос Иоанн Драсханакерци, также считавший строителем храма католикоса Комитаса. Если ко всему этому добавить, что рубеж IX—X веков (так датирует храм Г. Н. Чубинашвили) характеризуется ожесточенной борьбой с арабами, когда все равнинные районы страны были охвачены пожаром войны, а в 914 г. арабы распяли в Двине царя Смбата, то станет ясно, насколько «удачно» выбрано время для строительства огромного храма. Все это просто невероятно, но вполне вытекает из тех положений, которыми оперирует Г. Н. Чубинашвили при новой датировке Рипсимэ.

Мы здесь не останавливаемся на трактовке надписей

храма. Об этом достаточно подробно было сказано выше. Следует лишь подчеркнуть недопустимость искажения взглядов И. А. Орбели, который сомневался в дате, относящейся к надписи, но отнюдь не к храму. Возведение последнего, по его словам, известно «нам от современников и очевидцев». И. А. Орбели твердо заявлял, что «Гаянэ и Рипсимэ—памятники VII в.»¹.

* * *

Почти во всех конструктивно-художественных вопросах Г. Н. Чубинашвили исходит из одного эталона—храма Джвари. А так как композиция армянских храмов решалась несколько иначе, то поэтому они оказываются «нехудожественными», а их архитектурные формы—«искажением» классических решений Джвари.

В армянских храмах рассматриваемого типа, в отличие от грузинских, значительно больше подчеркнуто основное направление—ось запад-восток, вся композиция заключена в прямоугольник внешних стен и вследствие этого размеры боковых абсид несколько меньше, тогда как в Джвари они все равны. Все эти особенности трактуются в «Разысканиях» как непонимание художественных достоинств Джвари: «Вместо ритмического чередования так блестяще осуществленного в Джвари, здесь—разорванность и бессвязность» (стр. 19). На самом же деле именно храм Рипсимэ отличается особой гармонией внутренней композиции, причем сравнительно небольшая разница в размере абсид не только не создает бессвязности, но выделяя главное, направляет движение и взгляд посетителя на основную святыню—на алтарь храма.

¹ И. А. Орбели. Избранные труды, стр. 526. Его же. Армянское искусство, Новый энциклопедический словарь Брокгаузе и Ефрона, т. III, СПб., 1911, стр. 364—374.

Г. Н. Чубинашвили не может допустить и мысли, что оба типа разработаны самостоятельно. Между тем вовсе не случайно, что все без исключения армянские памятники типа Рипсимэ имеют прямоугольный абрис внешних стен, грузинские же памятники решены на основе свободного креста. Общность плановых композиций, коренящаяся в вековых традициях творческого содружества двух братских народов и недрах единой антихалкедонистской церкви, не сразу была забыта после церковного разрыва 608 г. Поэтому значительную близость основных композиций и принципов построения культовых зданий Армении и Грузии в V—VII вв. нельзя рассматривать как результат одностороннего движения, как то делает Г. Н. Чубинашвили, представляя грузинских зодчих в роли создателей гениальных композиций, а армянских архитекторов как нерадивых учеников, неспособных создать что-либо самостоятельное и художественное.

Очень трудно в небольшой брошюре анализировать все доводы Г. Н. Чубинашвили относительно конструктивных решений и архитектурных форм Рипсимэ. Отрицательные эпитеты у него льются как из рога изобилия, и нет нужды повторять их. Они относятся к уникальным троповым переходам $3/4$ ниш—этим замечательным достижениям армянских мастеров VII в. в области каменных конструкций; аналогичные элементы в IX—X вв. неизвестны. Они относятся и к внутреннему декору купола, и к нишам окон, и к лучам, спускающимся с вершины купола. Все же на одном вопросе следует остановиться поподробнее. Это—проблема купола, доминирующего над всем внутренним пространством храма, и конструктивных форм тех компонентов, которые с ним связаны. Г. Н. Чубинашвили особое внимание уделяет куполу и признает (хотя и с некоторыми оговорками), что он, как и храм в целом возведены одновременно. Это следует особо отметить, так как в своих более ранних работах он приводил

немало доводов относительно позднего его происхождения, которые, однако, полностью отпали после того, как была удалена уродующая интерьер храма штукатурка, и древний купол предстал перед зрителем во всей своей красе.

Однако, верный своим концепциям, Г. Н. Чубинашвили и здесь ищет «характерные» для X в. элементы, утверждая, например, что подкупольное кольцо, охватывающее верхнюю кромку перехода, появилось, якобы не раньше X в. На стр. 21 «Разысканий» сказано: «Наличие карниза внутри по нижней границе купольного барабана как в грузинской, так и в армянской архитектуре отмечается лишь со времени зрелого средневековья. Даже в Адиамане и Сисиане не имеем никакого карниза. . .». С таким утверждением нельзя согласиться, так как внутренний кольцевой карниз появляется лишь там, где налицо элемент парусного перехода—будь то чисто парусный переход (Аруч, Талин), парусно-тромповый (Звартноц) или парусно-арочный (Аван)—либо там, где в углах второго ряда малых тромпов имеются небольшие сферические закругления (Таргманчац, Рипсимэ).

Кольцевой карниз имеет большое конструктивное значение: он не только завершает кромку паруса, но и позволяет незаметно от зрителя отодвинуть во внутрь стенку барабана и не загружать наиболее слабые консольные углы парусов. Не случайно, что ни в Грузии, ни в Армении, ни в одном памятнике с чисто тромповым переходом мы не находим подобного кольца. При применении его в Аване, Рипсимэ и Таргманчаце определенное значение, несомненно, имела и прямоугольная конфигурация подкупольного пространства. В указанных памятниках кольцо несколько вытянуто в направлении северо-юг, и если внутренняя стена барабана (например, в Рипсимэ) находится почти на уровне подкупольных арок аб-

сид в направлении север-юг, то на западе и востоке она значительно отступает от этого уровня. Этот отступ и скрывается с помощью подкупольного кольцевого карниза. Конечно, ничего подобного не могло быть ни в Гарнаовите (Адиаман), ни в Сисаване, где подкупольное пространство представляет точный квадрат, а переход осуществлен чисто троповыми конструкциями. Вот это сугубо конструктивное назначение кольцевого карниза и не учел Г. Н. Чубинашвили (или не понял его); у него карниз превратился в декоративный элемент, якобы появившийся в «эпоху зрелого средневековья».

Значительное место в своих анализах Г. Н. Чубинашвили уделяет экстерьеру храма—проблеме объемно-пространственной композиции здания. Правильно отмечая, что небольшой выступ в средней части восточного фасада вероятнее всего был устроен ради более удачной разбивки боковых окон, Г. Н. Чубинашвили и здесь следует своим формалистическим принципам: он отрывает внешние формы от конструктивного решения узла. По его мнению, решение здесь весьма неудачное, так как «... боковые окна почти вплотную прорезаны на краю ниши (ее задней стенки): общее для этих трех окон обрамление из арок с соединительными горизонталями обрубается, не закончив полукруга арки, задней стенкой ниши» (стр. 25). Для Г. Н. Чубинашвили, как видим, важнее всего «правильное решение фасада», причем он полностью игнорирует конструктивную сторону. Между тем зодчий Рипсимэ сумел впервые сочетать распределение света в храме, его освещенность с нишами, найти решение, которое позволило разместить три окна абсиды, не нарушив прямоугольного контура здания.

В Джвари зодчий пошел по иному пути—там нет внешнего прямоугольника, и абсиды на всех фасадах сильно выступают вперед, что позволяет без всяких затруднений разместить окна. Однако это достигнуто до-

рогой ценой: фасады здания оказались расчлененными, о чем говорит и Г. Н. Чубинашвили (стр. 37).

В армянских памятниках (Аван, Арамус, Гарнаовит и др.), как правило, край полукружия абсид находится на одной линии с внешними границами угловых комнат (хотя и имеются ничтожные отклонения в ту или иную сторону). Другое решение представлено на восточном фасаде Рипсимэ: здесь абсида несколько выступает вперед. Благодаря этому удалось разместить и боковые окна. В дальнейшем трапециевидные в плане ниши были заменены треугольными, что при значительной их глубине позволило вообще отказаться от выступа абсиды и не прерывать подокруг завершая окон (Аруч, Сисаван).

Предвзятое отношение Г. Н. Чубинашвили к средневековой армянской архитектуре сказывается и при анализе фасадов Рипсимэ. Он не находит в них ничего художественного и возвышенного. Здесь ниши грузны и не нравятся даже центральное их размещение. Более того, зодчему Рипсимэ ставятся в упрек и результаты реконструкции XVII в.— тот факт, что боковые части храма оказались сильно опущенными¹, и теперь ниши несколько возвышаются над ними.

Особое значение придает Г. Н. Чубинашвили анализу декоративного убранства храма. Мы уже останавливались на этом вопросе, поэтому нет нужды снова возвращаться к порочному методу его исследования. Анализ форм Рипсимэ не вносит в этом отношении ничего нового. И здесь многие из них сопоставляются с декором Аруча, Талина, Птгни, причем все эти памятники, перенесенные в X век, призваны свидетельствовать о поздней дате храма Рипсимэ. А те орнаменты, которые, по его мнению, впервые появились в Рипсимэ, на самом деле

¹ А. Б. Еремян. Храм Рипсимэ, Ереван, 1955, стр. 69.

давно известны в армянском зодчестве. Это в равной мере относится и к кассетированным мотивам, которые появились еще в Звартноце, и к сочетанию сухариков с шазиликами (также встречающимся задолго до Рипсимэ (базилика в Егварде), и к так называемым арочкам с шариками, известным в Аламане, Талине, Артике, Птгни и т. д. Это же можно сказать о дополнительном прочерчивании арок. Рипсимэ в этом отношении отнюдь не исключение, поскольку арочные мотивы Нахчавана, Птгни, Талина имеют гораздо более сложный рисунок. Это равным образом относится и к мотивам двухплановых сухариков полукруглых арок, хорошо знакомым нам по Джрвежу, Таргманчацу, Гаяне, Двину и другим памятникам VII в.

Стремление Г. Н. Чубинашвили подкрепить свои доводы анализом декоративного убранства не могло привести и не привело к желаемым результатам. Храм Рипсимэ был и остается выдающимся памятником VII в.—одним из замечательных творений гениальных зодчих, памятником, формы которого послужили исходным для создания целого ряда однородных зданий в том же VII веке.

Не лучше обстоит и с анализом современников Рипсимэ. Все они оказываются перенесенными в IX—X века, причем ни один из них не избежал самых отрицательных эпитетов. Мы уже видели: Г. Н. Чубинашвили искал в Таргманчаце грекофильский центр и на этой основе усматривал там грузинское влияние. Столь же неубедительна и передатировка Таргманчаца. Судя по тому, что здесь налицо подкупольное кольцо и внутренний 16-гранный барабан, а в Гарнаовите (Адиамане) имеется лишь 8-гранный барабан и нет подкупольного кольца, Г. Н. Чубинашвили заключает: «Таргманчац должен быть отодвинут несколько дальше» (стр. 35). Как будто развитие композиционных решений и архитектурных форм всег-

да идет прямолинейно и по струнке! Он не видит принципиальной разницы между обоими памятниками. Ведь в Гарнаовите подкупольное пространство строго квадратное, а в Таргманчаце прямоугольное; если в Гарнаовите не имело смысла делать подкупольное кольцо (как и в Сисаване), то в Таргманчаце, который в этом отношении вплотную примыкает к Рипсимэ, такое кольцо вполне оправдано. Кстати сказать, нет ни слова о надписях VII в¹.

Для датировки Гарнаовита привлекаются многие памятники—Мастара и Воскепар, Иринд и Рипсимэ, Аруч и Талин и т. д., которые стилистически относятся к одному кругу, хронологически—к одной эпохе с Гарнаовитом. Это те памятники, которые Г. Н. Чубинашвили бездоказательно переместил в IX—X вв., а теперь использует их как основание для поздней датировки еще одного памятника армянского зодчества VII в.—Гарнаовита (стр. 35). Тот же принцип применяется для перенесения Сисавана в X век. Между тем интереснейшие ктиторские рельефы позволяют точно датировать храм последней четвертью VII в². С этой датой вполне созвучны характерные для этого времени надписи, высеченные в разных местах здания³.

Курьезно звучит утверждение Г. Н. Чубинашвили о том, что трапезиевидные завершения стен якобы первоначальны (стр. 36, прим. 2). Видимо, ему неизвестны публикации середины XIX в., в которых храм изображен до «реставрации», до превращения его местными жи-

¹ Л. Меликсет-Бек. Из армянских надписей VII в., «Известия» Армфана, 1941, № 9, стр. 64 (на арм. яз.).

² С. Х. Мнацаканян. Рельефы Сисавана и время возведения храма, «Известия» АН Арм. ССР. 1961, № 10 (на арм. яз.).

³ С. Бархударян. Свод армянских надписей, вып. II, Ереван, 1960, стр. 87—88 (на арм. яз.).

телями в приходскую церковь⁴. Откуда было им знать, что сто лет спустя творение их рук станет предметом спора и архитектурного анализа ученых? Отметим здесь, что несколько лет назад все эти поздние добавления убраны, все перекрытия реставрированы и храму возвращен его изначальный величественный облик.

* * *

Главе «Памятники типа Джвари» автор «Разысканий» придает принципиальное значение. В ней он пытается обосновать полную зависимость от грузинского зодчества того типа в армянской архитектуре, который, по его мнению, был родоначальником остальных центричных композиций Армении.

Что касается других центричных зданий, то мы уже показали «выборочный» подход автора, когда он отображает целый ряд важнейших сооружений, не укладывающихся в его искусственные схемы.

Характерно, что такой важный тип центричных построек, как простая крестообразная композиция, оказалась разделенным на две части, причем древнейший, тетраконховый вариант загнан автором в конец книги и объединен с таким сравнительно поздним типом, как октогони. Но мы не видим основания для разобщения композиции, поэтому при разборе главы «Малые купольные церкви» будем рассматривать и тетраконхи.

⁴ Г. Алишан. Сисакан, Венеция, 1893, стр. 213 (на арм. яз.).

О КУПОЛЬНЫХ БАЗИЛИКАХ АРМЕНИИ

Во второй главе «Разысканий» (стр. 41—61), озаглавленной «Храмы о четырех свободностоящих подкупольных столбах» (название явно неудачное, ибо в Армении известны различные типы церквей с четырьмя свободностоящими подкупольными столбами или пилонами), Г. Н. Чубинашвили рассматривает так называемые купольные базилики Армении.

Известно, что в архитектуре Армении VII в. этот тип представлен четырьмя памятниками, тогда как единственным представителем его в Грузии является храм в Цроми. Все армянские памятники точно датированы строительными надписями или историческими свидетельствами: храм Гаянэ—630 г., Мренский и Багаванский храмы—631—639 гг. Вызывает сомнение лишь правдоподобность летописного свидетельства относительно времени возведения храма в Одзуне (Узунларе), приписываемого католикусу Овану Одзнеци (717—728 гг.)¹. Суждения автора относительно этих памятников в целом отличаются заметной лояльностью, отсутствием унижительных характеристик и должной оценкой их действительно высоких художественных достоинств.

¹ Киракос Гандзакечи. История Армении, Ереван, 1961, стр. 70 (на арм. яз.).

Говоря о генезисе типа, Г. Н. Чубинашвили отмечает: «Новые формы требовали какого-то совсем нового принципа, новой комбинации¹. Этот принцип был брошен (sic!) в грузинский мир, тогда же в начале VII века и известным выразителем его в Грузии является Цромский храм в Картлии. Аналогичное появление храмов о четырех свободностоящих столбах имеет место и в Армении этого времени» (стр. 41).

Здесь следовало бы обязательно отметить и другое важное обстоятельство: в Армении генезис купольной базилики относится к концу V или к началу VI в., когда Текорская базилика (как явствует из весьма скрупулезного исследования Т. Тораманяна) в результате перестройки была увенчана куполом, возвышающимся в центре композиции,—наиболее ранним в Армении². Но Г. Н. Чубинашвили этого не делает. Не потому ли, что в Грузии мы не знаем ни одного предшественника храма в Цроми, на примере которого воочию можно было бы убедиться в сложном процессе творческих исканий, приведших к действительно совершенным формам этого храма.

Но, как известно, ни одно совершенное произведение, особенно в архитектуре, не создается сразу, на пустом месте. Вполне естественно поэтому, что, например, для объяснения форм Мцхетского Джвари историки грузинского зодчества указывают на церковь Дзвели Гавазы и на Ниноцминдский кафедрал, как на предшественников центрально-купольных церквей, в Грузии. Несомненно, у Цромского храма тоже были предшественники. Пока они известны только в соседней Армении.

Мы опускаем многие суждения Г. Н. Чубинашвили (правильные и неправильные), касающиеся отдельных

¹ По-видимому, имеется в виду композиция.

² Т. Тораманян. Материалы по истории армянской архитектуры, т. I, стр. 115—220 (на арм. яз.).

памятников типа купольных базилик Армении, в которых он старается найти их своеобразие, «определенный характер, выявленный как снаружи, так и внутри» (стр. 50). Это увело бы нас очень далеко.

Следует лишь остановиться на вопросе о времени возведения Одзунского храма и высказать некоторые соображения относительно его даты.

Как указывалось выше, строительство Одзунского храма в единственном об этом свидетельстве приписано Овану Одзнеци—католикосу Армении, занимавшему патриарший престол в первой четверти VIII в. (в начальный период установления арабского ига в Армении). То обстоятельство, что сооружение такого грандиозного и великолепного здания, каким является Одзунский храм, отнесено ко времени арабского владычества, ставит под сомнение правильность сообщения Киракоса Гандзакеци, писавшего об этом примерно спустя 450 лет. Вернее всего, строительная деятельность Ована Одзнеци ограничивалась ремонтом уже существовавшего храма и завершением пристроек к нему, следы которых нетрудно проследить и теперь. В этой связи еще раз напомним, что у летописцев слово շինել—означает не только строить, но и «возобновить строительство», «отстраивать».

Какие имеются данные, говорящие о ранней дате храма—второй половине VI—начале VII вв.? Прежде всего надпись на восточной стене памятника, которая по палеографическим признакам бесспорно относится к раннему времени. Г. Н. Чубинашвили и сам указывает, что надпись выполнена «крупными неглубокими буквами, великолепно резаными, как настоящие армянские строительные надписи построек VII века» (стр. 60). Такого мнения придерживается и Л. Меликсет-Бек, с уверенностью относящий ее к VII в¹. Но как могла надпись VII в. появиться на стенах памятника VIII в?

¹ Л. Меликсет-Бек. Из армянских надписей VII века, стр. 66.

Наиболее важным аргументом в пользу ранней даты Одзунского храма является сам памятник, вернее, весь комплекс Одзуна, включающий бесспорно раннюю однеонфную базилику, надгробный памятник и храм.

Есть все основания считать Одзунский храм более ранним, чем другие купольные базилики Армении. Об этом прежде всего свидетельствует композиция плана здания, вытянутого с запада на восток, наличие обходной галереи с южной, западной и северной сторон. В этом сказывается явная генетическая связь с такими выдающимися базиликами Армении, как соборный храм Григория в Двине, Ереруйская базилика¹. Кроме того, сама архитектура храма—ясная и величественная, его отдельные элементы—подчеркнутая подковообразность арок, арочные карнизы, рельефные навершия окон, орнаментальные мотивы обрамления проемов, рельефные изображения на восточной стене и т. д. —явно связаны с раннехристианским искусством Армении, проникнуты его духом.

Эти признаки отмечает и Г. Н. Чубинашвили, сравнивая некоторые элементы Одзунского храма с деталями Мцхетского Джвари и Самцеврис (стр. 59): поскольку Одзунский храм находится «на границе Грузии и Армении, архитектор его впитал в себя ряд—и нужно сказать существенных в архитектурном смысле—собственно, типично грузинских черт» (стр. 54). Вот, оказывается, чему обязана столь высокая оценка архитектурно-художественных достоинств Одзунского храма! С такой аргументацией вряд ли можно объяснить причину появления подлинных шедевров армянского зодчества в других районах Армении, находящихся на значительном отдалении от границ Грузии.

¹ В. М. Арутюнян, С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества, Москва, 1951, стр. 40.

Находясь вдали от подлинно марксистского объяснения творческого содружества и общности архитектурно-художественного мышления в искусстве Армении и Грузии раннего средневековья, обусловленного также и единством церкви (ведь раздел произошел в 608 году), Г. Н. Чубинашвили упорно ищет не то, что объединяло архитектуру обоих христианских народов, а то, что разъединяло их. «Итак,—пишет он,—в общих массах храма (Одзунского) нельзя не отметить, как основные пропорции их, намеченные художником под национальным «грузинским» углом, перебиваются в отдельных пунктах под «армянским» углом зрения, как это, конечно, и не могло бы быть иначе—в художнике сливались обе тенденции и он едва ли смог сам определенно высказать, которая из двух есть собственно отвечающая полностью его личным вкусам» (стр. 59).

Важным подтверждением ранней даты Одзунского храма является и мемориальный памятник, воздвигнутый на северо-восточной стороне храма. Если архитектурные формы этого памятника обнаруживают общность с формами самого Одзунского храма, свидетельствуя о принадлежности их одной эпохе, то сюжетные рельефы на двух обелисках, поставленных между тремя пилонами, по своей тематике и по характеру выполнения, несомненно, связаны с раннехристианским искусством Армении и относятся к V либо к началу VI в¹.

Вот почему историки архитектуры и искусства Армении в отношении Одзунского храма, независимо от летописного свидетельства о нем, в целом сходятся на том, что памятник этот следует датировать второй половиной VI века.

¹ Бабкен Аракелян. Сюжетные рельефы Армении IV—VII веков, Ереван, 1949, стр. 44—47 (на арм. яз.).

МАЛЫЕ КУПОЛЬНЫЕ ЦЕРКВИ

В развитии центричных композиций особое значение имеют простые тетраконхи. Это отмечает и Г. Н. Чубинашвили. Но он всячески старается доказать, будто подобных решений в Армении вообще не существовало, а все, что есть, имеет позднейшее происхождение. Он так и пишет: «... в Армении не сохранилось ни одного простого тетраконха от древнейшего времени. . . кроме Звартноца» (стр. 155). И далее: «Вся группа простых без обхода тетраконхов, известная в Армении, является вторичным как бы насаждением, применением этой архитектурной формы, а не первоначальным, чего нельзя упускать из виду и при разборе тетраконхов с обходами» (стр. 157). Выходит, что в армянском зодчестве вообще не было этих ячеек центричных композиций, следовательно, не может быть и речи о каком-то самостоятельном пути развития армянской центрической архитектуры. Дескать, армяне переняли их в готовом виде извне, причем это в полной мере относится и к «тетраконхам с обходами», т. е. к Звартноцу, который также не имеет местных корней и также является «вторичным как бы насаждением». Но где же те истоки, откуда черпали армянские зодчие свои прототипы? Об этом Г. Н. Чубинашвили пишет в другой работе. Оказывается, «в Грузии к древней эпохе относятся два или, быть может, три тетраконха; иначе в

Армении, где неизвестно ни одного простого тетраконха древнего времени, т. е. не позже VII века»¹.

В числе грузинских памятников этого типа Г. Н. Чубинашвили упоминает Дзвели Гавазы, датируемый им третьей четвертью VI в., хотя памятник основательно перестроен и, по словам автора, «для вопроса датировки загублен ремонтами»². Второй памятник—это Манглиси, также подвергшийся перестройке, а третий—«...тетраконх яйлы Сухбеч, в 5 часах подъема от Ишхани Тордумского округа»³. Далее указывается, что «квадровая кладка Сухбеча, расположенного высоко в горах над Ишхани (часах в 5 ходьбы), такая же, как древнейшая в Ишхани, т. е. относящаяся к первой половине VII в.»⁴. Легко заметить, что так называемый Сухбеч—не что иное, как древнее название армянского Сурб хача—памятника того же круга, что и Ишханская церковь, возведенная католикосом Армении Нерсесом III Строителем. Таким путем, армянские древнейшие тетраконхи сперва становятся грузинскими памятниками, а затем, как тот же Ишхан,—прототипами тех же армянских зданий, в том числе и Звартноца. Таков один из методов Г. Н. Чубинашвили, применяемых при изучении армянской архитектуры. Другой его метод—это игнорирование, даже третирующее существующих памятников, будто их нет и не о чем говорить. Именно так он поступает с Црвизом и Арзни, этими замечательными тетраконхами VI—VII вв., архитектурные формы которых неотъемлемы от армянского зодчества той эпохи; к тому же они опубликованы и, значит, хорошо известны⁵. Третий методический прием

¹ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, стр. 224.

² Там же.

³ Там же, стр. 225.

⁴ Там же.

⁵ Очерк истории армянской архитектуры, стр. 142 (на арм. яз.). Что Г. Н. Чубинашвили хорошо знаком с этим изданием, свидетельствует его же сноски в «Разысканиях», стр. 168.

автора—это искусственная передатировка большой серии памятников, объявление их творениями более поздних эпох. Сюда входят Манканоц и Агарак—памятники, всеми своими формами коренящиеся в армянском зодчестве VII в. Нет нужды приводить здесь все его шаткие доводы, которыми обосновывается датировка Агарака, этого интереснейшего памятника армянской раннесредневековой архитектуры, IX веком. Конечно, Г. Н. Чубинашвили не согласен с И. Стриговским, который датировал памятник VII веком и усматривал в нем близкие параллели с Мастарой и Артиком, также относящимся к VII в. И. Стриговский, после детального сопоставления Агарака с Мастарой и Артиком, писал: «При таком совпадении, вплоть до частностей, хочется верить, что Мастара, Артик и Агарак должны стоять хронологически близко, возможно даже, что они возведены одним и тем же мастером»¹.

Г. Н. Чубинашвили не отрицает этих довольно близких параллелей. Однако он и здесь остается верным своему тенденциозному подходу к армянской архитектуре, отмечая, что «действительно, мы видим ближайшее родство с Мастарой и Адиаманом не столько в орнаментальных мотивах, которые сопоставлены Стриговским, сколько в целом ряде грубых, нехудожественных неловкостей, в неумении выйти из положения» (стр. 155). Ему не нравится и размещение приделов, и $3/4$ колонны в углах абсид, причем, оказывается, что «особенно типичны для времени это—окна с бессистемной разбивкой их и нехорошим расположением наверхий и перегибом их с грани на грань» (там же). Между тем восточный фасад Агарака отличается именно цельностью композиции; основным доминирующим элементом здесь является выступающая

¹ J. Strzygowski. Die Baukunst der Armenter und Europa, Wien, 1918, I, стр. 102.

граненая абсида с размещенными на ней тремя большими окнами, объединенными переходящим с грани на грань навершием. По обеим сторонам, несколько ниже, размещены сравнительно небольшие окна приделов¹. Аналогичное решение хорошо известно в ряде памятников Армении и Грузии VI—VII вв. Именно так размещены окна и имеют такое же связанное навершие и Джвари, и Артик, и Аруч, и Сисаван. Весьма любопытно, какую оценку дает Г. Н. Чубинашвили такому размещению окон, когда перед его глазами Джвари. Он пишет: «Пять окон особенно подчеркивают горизонтальную распределенность и намечают ритмически равномерную последовательность. Здесь разбивка из центра—симметричная. Центр составляет выступ со своими тремя гранями, прорезанными каждая окном. Зодчий Джвари объединил эти три окна связанным навершием, обходящим полукругом окна и заворачивающимся по концам вверх уже в плоскости ниш. . . Таким объединением этих окон он, вместе с тем, выделил их против крайних боковых. Таким образом зодчий достигает в конце просмотра цельного впечатления определенной системы декора»². Как видим, один и тот же принцип размещения окон получает двойную оценку: когда речь идет о памятниках грузинской архитектуры, этот принцип возносится до небес, а когда характеризуются творения армянских зодчих, он мигом превращается в свою противоположность, объявляется нехудожественной, ремесленной подделкой. Такое отношение, конечно, не случайное, оно полностью вытекает из общей концепции автора о неравноценности армянской и грузинской архитектур.

Примечательна датировка Манканоца. Г. Н. Чубинашвили сам не видел памятника и свои далеко идущие

¹ «Очерк истории армянской архитектуры», рис. 44 а.

² Г. Н. Чубинашвили. Памятники типа Джвари, стр. 135.

выводы основывает лишь на изданном весьма скудном материале. Он пишет: «Едва ли проводимый по Т. Тораманяну тетраконх Манканоц в Ошакане может относиться, судя по плану, к VII веку. . . план сделан «правильным», хотя взятые покойным архитектором размеры, представленные на чертеже, этого не разрешают»¹. Непонятно, какие неправильности нашел Г. Н. Чубинашвили. Диагонали подкупольного пространства абсолютно равны—по 400 см, а диаметры абсид составляют 212, 215, 216 см². Где же неправильности? Можно ли вообще сантиметровые расхождения в архитектурных памятниках делать критерием их датировки и почему абсолютно «правильными» должны быть именно древние памятники? Автору «Разысканий» должно быть известно, что и в Армении и в Грузии немало памятников, точно датированных VII в., но имеющих куда больше расхождений в размерах соответствующих элементов, чем те, которые отмечены в Манканоце.

Нельзя не заметить отсутствие в «Разысканиях» темы Звартноца, которую Г. Н. Чубинашвили явно избегает. Открыто и членораздельно сказать о грузинском влиянии он тут, видимо, не решается, зато старательно подводит читателя к этому, шаг за шагом подрубая местные корни этой грандиозной композиции.

В самом деле, если в древнюю эпоху в Армении не было тетраконхов, в то время как они были в Грузии, если именно в грузинском зодчестве разработан прототип этой величественной композиции³, то не ясно ли, откуда идет этот тип в Армению, откуда принес католикос Нерсес его своеобразное решение. Мысль эта протаскивается в его работах уже с 30-х годов, причем в работе, непосред-

¹ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, стр. 225.

² Т. Тораманян. Материалы по истории армянской архитектуры, т. II, Ереван, 1948, стр. 220.

³ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, стр. 227.

редственно предшествовавшей «Разысканиям», он пишет: «Третий этап в развитии грузинской классики был отмечен созданием как бы своеобразной комбинации из тем первого и второго этапов. Он охватывает конец 30-х, 40-е и 50-е годы VII в. Этот этап характеризуется грандиозными замыслами, от которых, однако, до нашего времени дошли лишь развалины и совершенно перестроенные сооружения. К их числу относятся небольшая, включенная в радикально восстановленное здание с коренной перестройкой в первой половине IX в. и затем в первой трети XI в. часть первоначального собора в Ишхани и собор в Бана, также восстановленный еще на рубеже IX и X вв.»¹.

Не трудно видеть, что здесь мы сталкиваемся с обычными методами автора. В одном случае (когда речь идет о грузинском памятнике Бана) передатировка идет в сторону «старения» — и сооружение становится на три века древнее, а во втором случае памятник, хотя и возведен на армянской территории католиком армянской церкви. . . просто объявляется грузинским и этим закрывается вся проблема об истоках грандиозной композиции Звартноца. И действительно, если древнейший памятник этого типа, Ишханский храм, возведен в Грузии на несколько десятилетий раньше Звартноца, и здесь же, опять в Грузии, в середине того же века возведена еще более грандиозная однотипная композиция — храм в Бана, то не ясно ли, откуда формы Звартноца, возведенного тоже в середине VII века, но уже в Армении, тем же Нерсесом, который возвел «грузинский храм» в Ишхане.

Однако это искусственно возведенное и изрядно завуалированное построение рушится с первого же дуновения ветра истории. Так, например, выдающийся иссле-

¹ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Грузии. Всеобщая история архитектуры, т. III, глава 3, Москва, 1966, стр. 319.

дователь грузинского искусства Ш. Я. Амиранашвили, говоря о памятниках X в., пишет: «В эту же эпоху в области древней Тао (Олтинский округ) в 881—923 годах строится Адарнасе куропалатом круглый трехъярусный храм Бана»¹. И далее: «О времени построения храма Бана мы имеем свидетельство историка Сумбата, сына Давида: «И этот Адарнасе (881—923), сын убитого Давида, построил Бана рукою Квирике Банели, который был назначен первым епископом Бана»². Опровергая датировку Г. Н. Чубинашвили, Ш. Я. Амиранашвили отмечает: «В результате. . . удлинения абсид, благодаря вимам был создан новый принцип организации внутреннего пространства, который появляется лишь с X века»³. Здесь же он ссылается на труд Е. С. Такайшвили «Археологическая экспедиция 1907 г. в Кола-Олтиси, Чангли». Париж, 1938 (на груз. яз.), где на стр. 24—28 «приведены веские доводы, опровергающие датировку Бана VII веком»⁴.

Странно, что после всего этого храм Бана с безоговорочной и ничем не обоснованной датировкой (VII в.) занимает видное место в таком капитальном издании, как двенадцатитомник «Всеобщая история архитектуры».

С еще более поразительными вещами сталкиваемся при рассмотрении проблемы Ишханского храма. Собственно, никакой проблемы тут нет, есть лишь тенденциозное отношение Г. Н. Чубинашвили. Именно это и является причиной того грубого искажения исторической правды, которое мы вынуждены отметить в отношении генезиса одного из узловых типов армянского зодчества.

¹ Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, Москва, 1963, стр. 149.

² Там же, стр. 151.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 151, сноска 2.

Памятник возведен строителем Звартноца католиком Нерсесом III Строителем в своем родовом имении, селении Ишхан, находящемся в северо-западной провинции исторической Армении—Тайке. От Ишханского храма дошла до нас лишь алтарная колоннада, включенная впоследствии, в IX веке, в возведенную здесь же грузинскую церковь.

В специальной литературе нерсесова постройка обычно отождествляется с его епископской кафедрой, причем именно это обстоятельство и служит исходным для его датировки 30—40-ми годами VII века, когда Нерсес действительно был епископом Тайка, а область в целом входила в состав владений нахарарского рода Мамиконянов.

Тяжкое бремя арабского ига самым пагубным образом сказалось на экономике северо-западных провинций Армении, которые в те времена пострадали также от ряда эпидемий. Некогда процветавшие поселения стали безлюдными: захирел и сошел с исторической арены могущественный род Мамиконянов. Правление областью перешло в руки грузинских Багратидов; начиная с IX в. особенно усилился приток грузинских переселенцев, резко увеличилось влияние грузинской церкви. Именно в этот период на остатках древней Ишханской церкви и возводится новая церковь, ставшая с этого времени епископским центром Грузинской церкви.

Н. Я. Марр, говоря о католикосе Нерсесе, указывал, что «построенный им в Ишхане храм грузины заняли в конце VIII века и не раз его перестраивали, но алтарная абсида до сих пор сохранила одну из полукруглых колоннад, столь характерных для храмов занимающего нас типа»¹.

¹ Н. Я. Марр. О раскопках и работах в Ани летом 1906 г., СПб., 1907, стр. 3.

В другой работе он пишет: «Подобно Ишхану в области Тао, грузинские монахи и в Кларджии нашли армянские монастырские постройки в состоянии полного разорения или запущенности после какого-то разрушения», причем ряд районов «представлял очевидно мерзость запустения и только своими армянскими названиями мог свидетельствовать о лучших днях края при культурном господстве соответствующего населения». Местное население «... и после появления грузинских обитателей продолжало долго, вплоть до XI века, сохранять параллельно с грузинским родной армянский язык, из которого в то время в местную грузинскую речь и грузинские литературные памятники, возникшие на месте, естественно входили лексические и иные арменизмы»¹.

Общеизвестно, что в течение IV—VII вв., подобно тому, как в политической жизни страны видные посты занимали владетели края, Мамиконяны, так и в церковных делах не меньшим влиянием пользовались епископы их владений—Тарона и Тайка. И вовсе не случайно, что из Тарона и Тайка происходят многие выдающиеся деятели армянской церкви V—VII вв., в том числе католикосы Гют, Комитас, Нерсес, Израель и др.

Таким образом, не остается сомнения в том, что храм, возведенный в VII веке католикосом Нерсесом, не имеет ничего общего с грузинским зодчеством: он строился на армянской территории и являлся культовым сооружением армянской церкви. Представление его в качестве памятника грузинского зодчества не что иное, как намеренное искажение исторической правды. Нужно ли говорить о том, что подобные явления несовместимы с высочайшей принципиальностью советской науки.

¹ Н. Я. Марр. Георгий Мерчул, стр. XVI.

Отдельную главу Г. Н. Чубинашвили посвящает малым купольным церквям. Хотя он их относит, согласно своей периодизации, к древнему периоду, т. е. к VII—IX вв., тем не менее из изложения явствует, что к VII в. причисляется один единственный памятник этого рода—храм в Аламане. Все остальные храмы, относящиеся к этому периоду, перенесены в VIII—IX века, как это сделано с целым рядом других памятников.

В главе анализируются триконхи и небольшие крестообразные церкви с прямоугольными рукавами. Из последних рассматриваются Шеник (Мазарджук), Кармравор и Кош. Автор довольно подробно описывает все эти памятники. Древние их формы, например, Шеника, столь явственны, что он вынужден писать: «Эти остатки церкви оставляют общее впечатление большой древности, также исполнение ее и мотивы украшения» (стр. 66). Кроме того, упоминается ряд других памятников этого типа: Нор-Кянк (Мечитли), Бджни, Арташаван. Из триконхов рассматриваются Талин (малая церковь), Пемзашен (Махмуджук), Хне-ванк, Севан, а затем Лмбат как синтез обоих решений.

Однако тенденциозность автора проявляется и здесь. Иначе нельзя объяснить его отношение к единственно точно датированному памятнику этого класса—Аламану, возведенному, согласно строительной надписи, в 637 г. О нем упоминается вскользь, к тому же как параллель триконху в Талине. Отмечая, что архитектурные формы малой церкви Талина отличаются якобы нарочитостью и вычурностью, Г. Н. Чубинашвили пишет: «Эти черты вычурности, нарочитости, которые замечаются слегка уже на триконхе 637 года в Аламне, приобретают в Талине совершенно специфический размер» (стр. 71). Только и всего. Зато некоторым второстепенным памятникам отводится значительное место, например, Хне-ванку. Опи-

сание и анализ поздних перестроек IX—XII вв. занимают здесь 7 страниц текста. Это ли не игнорирование памятника, причем памятника широко известного и имеющего принципиальное значение для правильного понимания путей развития такого рода композиций?

Выше говорилось о необоснованном отнесении строительной надписи, как и строителя церкви Нерсеса Камсаракана, к VIII веку (стр. 70). Сравнительно богатое архитектурное убранство этой церкви автор называет вычурным, нарочитым, ему не нравится ни овалообразность купола (хотя она вызвана строго конструктивными соображениями), ни выделение вимы и даже наружная открытая абсида, почему-то названная купелью, хотя это пережиток открытых абсид древних базилик. Такое отношение проявляет автор и ко всему декоративному убранству, указывая, что «даже западное окно барабана имеет наверху из профилированной арки с отворотами» (стр. 70), хотя совершенно непонятно, почему, собственно, нельзя было делать навершия на окнах купола. Ведь это мотив, хорошо известный на ряде памятников того же VII в. Укажем, например, на Мрен и Аламан, дату которых оставляет в покое даже Г. Н. Чубинашвили. Однако все эти характеристики («вычурные» и «нарочитые» формы) призваны подвести читателя к заключению, что именно так и должно было быть в VIII веке, куда он переносит этот памятник, хотя ранняя дата его (VII в.) зафиксирована надписью и архитектурными формами. «Эпоха политического гнета арабами,—читаем в «Разысканиях»,—требовала по контрасту создания построек с подчеркнутой роскошью от местных феодалов. . .», а «наружная большая купель сделана с нарочитым умыслом помпезно производить крещение» (стр. 71). Так пишется об эпохе, когда страна стонала под кровавым игом чужеземцев, когда одно восстание следовало за другим и даже католики не находили места от преследований арабов.

Строительство пышных храмов, помпезные театрализованные обряды крещения при стечении толп народа. . . Трудно понять, чего здесь больше—тенденциозности, непонимания исторической обстановки, в которой жила страна в ту эпоху, или просто курьеза.

Рамки данной рецензии не позволяют проследить за «архитектурно-художественным анализом» других зданий. Отметим лишь, что автор настойчиво переносит их даты, и все указанные выше памятники ранней эпохи (Кош, Кармравор, Шеник, Пемзашен, Лмбат и др.) оказываются творениями VIII—IX вв.

Следует все же остановиться еще на одном вопросе—на росписях в Коше и Лмбате. Г. Н. Чубинашвили отмечает наличие монументальной живописи в обоих памятниках. О Коше он пишет: «В конхе уцелел фрагмент росписи—богоматерь с ангелами, ниже—два ряда фигур» (стр. 68, прим. 4). Отмечает он наличие живописи и в Лмбате, хотя об этом говорится лишь в примечании и роспись безапелляционно относится к позднему времени (стр. 87).

Г. Н. Чубинашвили и в этом вопросе оперирует устаревшей литературой, считая истоками монументальной живописи в Армении «халкедонитское влияние, т. е. по существу говоря влияние грузин, Грузии с ее православием» (стр. 8).

Между тем исследования показали, — что наличие росписи в армянских храмах вовсе не связано с халкедонизмом. Стенная живопись в Армении имеет свои глубокие местные корни. Замечательные росписи урартов, мозаика Гарни, мозаика Двина, Иерусалима, Эчмиадзина, Звартноца, роспись Мрена, Звартноца, Аруча, Лмбата, и целого ряда других храмов не оставляют сомнения о местных истоках развития этого вида искусства. Монументальная живопись Армении V—VII вв. тесно связана с раннесредневековой иконографией, она находит свое

определенное место в раннехристианском искусстве той эпохи. Крупнейший специалист в этой области Л. А. Дурново особо выделяет роспись Лмбата, считая ее одним из замечательных памятников VII в¹.

Г. Н. Чубинашвили же ограничивается безапелляционным заявлением, что нельзя согласиться с некоторыми хронологическими определениями Л. А. Дурново, «учитывая данные о самих зданиях, в которых они сохранились» (стр. 8). Между тем сама монументальная живопись является прекрасным датирующим материалом тех же памятников и еще раз показывает ложность позиций Г. Н. Чубинашвили относительно датировки памятников армянской раннесредневековой архитектуры.

¹ Л. А. Дурново. Краткая история древнеармянской живописи, стр. 9; С. Х. Мнацаканян. Исторические предпосылки развития армянской монументальной живописи. «Известия» АН Армянской ССР (общественные науки), 1963, № 7 (на арм. яз.).

О КУПОЛЬНЫХ ЗАЛАХ АРМЕНИИ

Первую попытку «обоснования» позднего времени строительства Аручского храма и вообще появления в Армении типа купольных зал Г. Н. Чубинашвили сделал еще в 1928 году¹. Попытка эта не получила признания в науке—ни в советской, ни в зарубежной, ни тогда, ни позднее. Прежде всего, она вызвала решительные возражения среди историков армянской архитектуры. В опубликованной в 1946 г. работе «По поводу датировки храма в Аруче» было указано на шаткость его доводов, на недопустимость при датировке памятников игнорировать такие важные источники, как сведения летописцев о времени строительства памятника, эпиграфические надписи, точно указывающие дату строительства и ктиторов, притом в полном соответствии с данными летописцев, общие архитектурно-художественные особенности, характеризующие принадлежность памятника к данной эпохе, и т. д.².

¹ Zur Frage der Kuppelhallen Armeniens XVII, 1 и 2, 1928, стр. 73—97. Рассматриваемая в «Разысканиях» глава V является вариантом этой статьи, опубликованной на немецком языке.

² В. М. Арутюнян. По поводу датировки храма в Аруче, Ереван, 1946.

Вместо того, чтобы по существу ответить на выдвинутые аргументы, неопровержимо свидетельствующие о раннесредневековой дате строительства Аручского храма, Г. Н. Чубинашвили, оставаясь в плену своих предвзятых доводов, ограничился дидактическими наставлениями по поводу методики ведения научного исследования¹.

Но в научном споре такого рода наставления, даже если они исходят от маститого ученого, не могут подменить собой научную аргументацию, которой Г. Н. Чубинашвили явно пренебрегает. Именно во всех трудах по истории армянской архитектуры, как и в учебниках по всеобщей истории архитектуры, Аручский храм продолжает прочно занимать свое место в ряду памятников VII в.

Один лишь Г. Н. Чубинашвили, с упорством, достойным лучшего применения, продолжает настаивать на созданной им же «теории», согласно которой возникновение купольных зал Армении относится к IX—X вв.² К этому же времени он относит и храмы в Птгни и Аруче³.

Историки армянской архитектуры не могут отделаться от впечатления, что подобная настойчивость объясняется чисто субъективными соображениями. Дело в том, что грузинская архитектура представлена всего лишь одним-двумя памятниками типа купольных зал, притом более поздними, чем VII в. Главной из них яв-

¹ Г. Н. Чубинашвили. Еще к вопросу о датировке Аручского храма в Армении. Сообщ. АН Груз. ССР, т. VII, № 8, Тбилиси. 1946.

² Г. Н. Чубинашвили. Армянское искусство с конца IX в. и до начала XI в. Сборник «Сасунский Давид», Тбилиси, 1939, стр. 23.

³ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, Тбилиси, 1959, стр. 317, 318, 484.

ляется церковь Квела-Цминда близ сел. Шрома (бывш. Вачнадзиани в Кахетии), которую Г. Н. Чубинашвили, за отсутствием исторических и эпиграфических данных, датирует концом VIII—началом IX в.¹ лишь на основании архитектурно-художественных признаков. Правда, при этом он оговаривает, что «в известных исторических условиях одновременно выявляются в разных местах общие тенденции, намечаются общие подходы и решения культурных задач». Однако в стремлении во что бы то ни стало датировать указанные армянские храмы IX—X вв. он фактически отстает приоритет Грузии в деле создания зданий типа купольных зал, считая, что на почве Грузии этот тип сформировался путем скрещивания композиций базиликальных и «трехцерковных храмов».

Таковы, на наш взгляд, истинные побуждения Г. Н. Чубинашвили. Обратимся теперь к той главе «Разысканий», в которой он возвращается к нашему спору (стр. 104—125). Что нового заключает эта глава, какие дополнительные доводы приводит автор для доказательства позднего происхождения армянских купольных зал? Оказывается, равным счетом ничего.

И здесь текст изобилует унижительными эпитетами относительно Аручского храма и его строителя вроде: «в архитектурном отношении вялый, без вдохновения», «отсутствие дарования у строившего Аручский храм архитектора», «нагроможденность и безвкусица», «вялость и бесхитрность здания», «неуклюжесть масс», «дегенерированная деформация волюты», «претензия на украшенность» и т. д. (стр. 105—110). Все это сопровождается излишне многословное, а порой и неточное описание, не говоря уж о тенденциозном толковании самого памятника и его отдельных частей. Погрешный в смысле научности «художественный» анализ Аручского храма Г. Н. Чубинашвили

¹ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, Тбилиси, 1959, стр. 314, 319.

жественный анализ», которым оперирует автор, скорее всего походит на разнос памятника.

Во всем тексте плохо скрыт основной замысел: очертить Аручский храм—этот признанный памятник армянской архитектуры, представить его как посредственное творение.

В вопросе о строительной надписи Аручского храма Г. Н. Чубинашвили также остался на прежних позициях. Он повторяет утверждения относительно ее более позднего происхождения, заимствованные у И. А. Орбели¹ и Н. Я. Марра², хотя ему хорошо известно, что они не имели возможности изучить эту надпись на месте³.

Но есть еще одна надпись, которая мешает Г. Н. Чубинашвили переместить Аручский храм с VII в X век. О ней шла речь выше; она высечена на юго-восточном пристенном пилоне внутри храма, касается регулирования водного спора между селениями Аруч и Кош и датирована 867 годом. С этой надписью он расправляется примерно так же, как с предыдущей, дескать, по палеографии и языку она не соответствует указанному в ней времени (стр. 116).

Другие надписи на стенах храма, датированные 987 и 1285 гг., не служат помехой для отнесения его строитель-

¹ И. А. Орбели. Избранные труды, стр. 401—404, 420—423.

² Н. Я. Марр. Армянская церковь в Аруче, Изв. Имп. Археологической Комиссии, вып. 12, СПб., 1904, стр. 61—64.

³ Там же, стр. 116. В Zur Frage der Kuppelhallen Armeniens (стр. 89) дату надписи Г. Н. Чубинашвили определил по малому армянскому летосчислению (318+1084=1402 г.), позабыв о том, что в это время не было ни Ашота, ни Смбата Багратуни, чьи имена упоминаются в надписи, как не было тогда и династии Багратидов, царство которых прекратилось в 1045 г. Для того, чтобы не поставить себя в неловкое положение, автор «Разысканий» теперь отказался от этой версии.

Г. Н. Чубинашвили обходит свидетельство и другого летописца—католикаса Иоанна Драсханакертци (умершего в 927 г.), у которого можно почерпнуть более подробные сведения об Аручском храме и дворце. «В это время благочестивый князь Григорий Мамиконян,—сообщает он,—благодаря божественному попечению, основав великолепную церковь, что в Даstackерте Аруч, строит его спешно, уготовив, словно небесную обитель на земле. И с южной стороны он расположил свой дворец на краю скалистой долинки, в которой бьет ключом прозрачный родник, пенясь в каменных теснинах гранитных скал, что окаймляют его словно венец укрепления. И затем, оградив его твердо заложенными камнями на извести, строит дом для своего пребывания»².

О строительстве Аручского храма имеются сведения и у летописцев XI—XIII вв.—Степаноса Таронци (Асогик), Киракоса Гандзакци, Вардана Барцрабердци и Мхитара Айриванци³. Все они основываются на цитированные выше источники и единодушно связывают строительство Аручского храма и дворца с именем князя Григория Мамиконяна—правителя Армении, погибшего в 685 г.

При определении даты строительства того или иного памятника игнорировать такими ценными данными, как свидетельства летописных источников, вообще недопустимо. Как могли Гевонд Вардапет или католикос Иоанн Драсханакертци так обстоятельно рассказать о храме, построенном спустя столетия после их смерти?

Автор «Разысканий» оставляет в тени, вернее, умалчивает и результаты произведенных в Аруче раскопок.

¹ История Армении Иоанна католикаса Драсханакертци, Тифлис, 1912, стр. 90—91.

² Г. Н. Чубинашвили мимоходом упоминает лишь Киракоса Гандзакци и Вардана Барцрабердци.

ства к X в. Г. Н. Чубинашвили считает, что первая из них начертана вслед за постройкой храма, вторая—намного позже. Таким путем «разрешаются» все вопросы, связанные с надписями Аручского храма: сбрасываются со счетов те, которые мешают ему, и сохраняются те, которые устраивают его.

Но существует еще одна надпись, высеченная на северной стене храма в Аруче и до сих пор никем не опубликованная. Она гласит: «Նիբ թուի եւ գորով նորոգողի ւորը լիթողի...». Речь идет здесь о ремонте храма, причем надпись датирована 973 г., т. е. концом X в., когда, по мнению Г. Н. Чубинашвили, был построен сам храм. Это новое препятствие для поздней датировки Аруча вряд ли возможно преодолеть. Никто не поверит, что построенный «в конце X века» храм немедленно подвергся ремонту.

В своих «Разысканиях» Г. Н. Чубинашвили не обмолвился ни единым словом о свидетельствах летописцев Гевонда и Драсханакертци относительно строительства Аручского храма. Это и понятно, поскольку они явно противоречат поздней его датировке и, следовательно, не устраивают автора. Напомним сообщение летописца Гевонда Вардапета о событиях второй половины VII и первой половины VIII вв.: «В дни его (Григория Мамиконяна) власти установился долгий мир». И далее: «Князь Григорий во время своего правления Арменией успокоил ее от всех хищников и нападений. Был он муж богобоязливый, братолюбивый и гостеприимный; снабжал пищую нищих и был совершен богопочитания. Он устроил (т. е. построил) в области Арагацотн, в участке Аруч дом молитвы, храм славы и имени господя, и украсил его в память имени своего»¹.

¹ Гевонд Вардапет. История Халифов, русский перевод К. Патканьяна, СПб., 1862, стр. 9.

Они были предприняты с целью проверки правдоподобности сообщения Иоанна Драсханакертци относительно строительства Аручского храма и дворца Григорием Мамиконяном. Г. Н. Чубинашвили хорошо известно (ибо сообщение о результатах раскопок было не только опубликовано¹, но и доложено на научной конференции, состоявшейся в Тбилиси), что на южной стороне храма, «на краю скалистой долинки» (т. е. точно на месте, указанном Иоанном Драсханакертци) открыты остатки дворцового комплекса, построенного Григорием Мамиконяном².

Композиция плана открытого раскопками колонного зала, его отдельные детали (базы и капители колонн), почти полностью воспроизводящие формы дворца в Двине (датируемого концом V и началом VI в.), наряду с летописным сообщением об Аручском дворце, бесспорно указывают на древнее (раннесредневековое) происхождение этого памятника. А точное воспроизведение отдельных мотивов капителей дворца (пальметок, волют) на самом храме (в пяте арок, завершающих треугольные ниши на восточном фасаде), а также в Звартноце и храме Рипсимэ только подтверждает одновременность строительства храма в Аруче и рядом стоящего дворца.

Результаты археологических раскопок в Талише (Аруче) говорят о полном совпадении сведений летописных и эпиграфических данных. Это лишний раз подтверждается и анализом архитектурно-художественных признаков самих памятников, их параллельным сопоставлением с другими памятниками церковного и светского зодчества рассматриваемой эпохи—VII в.

¹ В. М. Арутюнян. Нововыявленный памятник светской архитектуры VII в., «Известия», АН Арм. ССР, 1953, № 8 (на арм. яз.).

² Только в сноске на стр. 116. прим. 4 автор «Разысканий», вскользь упоминает об открытом здании и принадлежащих ему «интересных» и «древних» деталях.

Г. Н. Чубинашвили пренебрегает еще одним важным документом, освещающим вопрос о времени строительства Аручского храма. Он совершенно отбрасывает роспись на стене алтарной абсиды, тогда как ее подробный анализ, сделанный большим знатоком древнеармянской живописи—Л. А. Дурново, привел к убедительному выводу: «Стиль и иконография остатков росписи в Аруче только могут быть VII веком,—не позже VII века. Уже в VIII веке и позже эволюция, стиль и иконография были бы иными, подходящими ближе к памятникам X века»¹. К такому же заключению она приходит при изучении палеографии надписи на Аручской росписи; которая «не вызывает сомнений в принадлежности ее VII веку»².

К другому представителю купольных зал—храму в Птгни Г. Н. Чубинашвили подходит с тем же предубеждением. Опять же, игнорируя исторические, эпиграфические данные и архитектурно-художественные особенности памятника, он столь же произвольно переносит его в X век. Надо признать, к этому убеждению он пришел не сразу, а постепенно. В опубликованной на немецком языке работе о купольных залах Армении, отметив определенную общность плановой и объемно-пространственной композиции, как и декора Аруча и Птгни, в отношении последнего он проявил некоторую осторожность и не сказал ничего определенного о его дате. В тексте проскальзывает мысль о том, что Птгни по времени предше-

¹ Л. А. Дурново. Стенная живопись в Аруче (Талиш), «Известия», АН Арм. ССР, 1952, № 1, стр. 61. Во введении к «Разысканиям» (стр. 8) Г. Н. Чубинашвили голобсловно ставит под сомнение хронологическое определение Л. А. Дурново на основании «данных о самих зданиях». Но каковы эти «данные»—мы уже видели.

² Л. А. Дурново. Стенная живопись в Аруче, стр. 65.

ствует Ширакаванскому храму (построенному в 897—898 гг.)¹.

В «Разысканиях» же, окрыленный, вероятно, тем, что его путанные высказывания об отдельных памятниках армянской архитектуры в свое время не получили достойной отповеди, Г. Н. Чубинашвили снова заговорил об общности принципов архитектуры храмов Аруча и Птгни (стр. 114) и пришел к новому заключению: строитель Ширакаванского храма, «быть может, должен считаться создателем самой формы Kuppelhalle в Армении» (стр. 112), т. е. и храма Аруча. Такое заключение—результат полного игнорирования всего комплекса данных о памятнике. Между тем внимательное рассмотрение этих данных неминуемо привело бы к единственно правильному заключению (как это сделали Н. М. Токарский² и другие исследователи армянской архитектуры), что храм в Птгни—наиболее ранний из оформившихся в окончательном виде купольных зал Армении.

Г. Н. Чубинашвили не только не пожелал объективно разобраться в этих данных, но и пренебрег опубликованными исследованиями, освещающими вопрос о времени строительства храма в Птгни.

Таких исследований—два. Первое из них принадлежит Гарегину Овсепяну, второе—С. Х. Мнацаканяну. Труд Г. Овсепяна, выдающегося исследователя армянского искусства, был опубликован почти четверть века назад³. Правда, о нем между прочим упоминает Г. Н. Чубинашвили (со слов Н. М. Токарского), но почему-то это обстоятельное исследование представляется им как статья (стр. 117).

¹ Zur Frage der Kuppelhallen Armentens, стр. 87.

² Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв., Ереван, 1960, стр. 105—106.

³ Г. Овсепян. Материалы и исследования по истории армянского искусства и культуры (на арм. яз.).

В первом разделе своего труда—«Птигнаванк и покрытие куполами (Գմբեթաւորում) первоначальных армянских храмов»—с целью выяснения даты храма в Птгни Г. Овсепян обращается к косвенным свидетельствам. Одно из них дает основание предполагать существование храма уже в VI в., так как его епископ Израел Птгнаванкци был участником церковного собора, созванного в 606 г. в Двине¹ и вместе с другими служителями подписал известное обращение, направленное к объединению армянской церкви. Возможно, что подтверждением имени Израела Птгнаванкци является надпись на северной стене храма, где под именем Մողիիզ начертаны буквы իէ (как обычно в надписях сокращенно писали имя Израел).

В пользу раннего происхождения храма в Птгни говорит также надпись на его южной стене Մամունէ Ամատունց տէր, обстоятельно истолкованная Г. Овсепяном². Те, кто знаком с историей Армении, знают, что род Амадуни был наиболее влиятельным и широко известным среди нахарарских фамилий эпохи раннего средневековья. Представители этого рода принимали самое деятельное участие в освободительных восстаниях против Персии в V в., строили храмы (в том числе и над могилой Месропа Маштоца, похороненного в Ошакане в ~~399~~⁴⁴⁸ г.). В течение последующих столетий род Амадуни постепенно вымирает, а при Багратидах почти полностью сходит с исторической арены. Г. Овсепян ищет Мануэла Амадуни среди активных исторических деятелей, находит его и даже устанавливает приблизительные даты его жизни и смерти—510—590 гг.³

Г. Н. Чубинашвили поступает иначе. Стремясь во что бы то ни стало доказать позднее происхождение храма в

¹ Г. Овсепян, Материалы и исследования по истории армянского искусства и культуры (на арм. яз.), стр. 20.

² Там же, стр. 25—27.

³ Там же, стр. 27.

Птгни; он тоже ищет и... находит упоминание о представителях рода Аматоуни у летописцев Гевонда и Драсханакертци (стр. 118). Но, видимо, его несколько не смущает то обстоятельство, что эти носители родового имени — лишь потомки древнего рода Аматоуни и никакого отношения не имеют к Мануэлу Аматоуни.

Наряду с разбором исторических и эпиграфических данных о храме Птгни Г. Овсепян обращается и к самому памятнику. Подробно анализируя его древние формы и элементы декоративного убранства, сопоставляя их с другими памятниками армянского зодчества, ученый приходит к выводу, что храм возведен во второй четверти VI в.¹ Во всяком случае, верхним пределом он считает 606 г., позже которого «невозможно датировать памятник»². Такая датировка храма в Птгни кажется вполне приемлемой, ибо ряд архаичных архитектурных деталей (равносторонний крест над внутренними капителями, встречающимися в базиликах, фриз с кувшинчиками под карнизом северной стены, характер рельефов на южной стене, отражающих влияние сасанидского искусства, и т. д.) трудно укладывается даже в рамки VII в.

Выяснением даты храма в Птгни занимался также С. Х. Мнацаканян. Полемизируя с Г. Овсепяном относительно личности Мануэла Аматоуни, он считает, что последний жил не в VI, а в IV веке. Следовательно, по мнению С. Х. Мнацаканяна, в надписи на южной стене храма Мануэл Аматоуни упомянут в качестве предка. Далее, анализируя архитектурные формы и элементы декоративного убранства храма, С. Х. Мнацаканян указывает, что вероятным временем строительства храма в Птгни следует считать первое десятилетие VII в.³ Примерно такого же

¹ Материалы и исследования по истории армянского искусства и культуры (на арм. яз.), стр. 27.

² Там же, стр. 19.

³ С. Х. Мнацаканян. Храм в Птгни, «Патма-банасиракан андес», 1961, № 3—4, стр. 237 (на арм. яз.).

мнения придерживался и Н. М. Токарский в первом издании своей книги¹.

Таким образом, мнения всех исследователей храма в Птгни почти сходятся и совпадают с мнением И. Стриговского, который, основываясь на материалы исследований Т. Торамаяна, также относил купольные залы в Птгни и Аруче к VI—VII вв.²

Выше мы рассмотрели лишь круг вопросов, связанных с научным спором о времени строительства храмов в Аруче и Птгни и вообще о возникновении типа купольных зал в Армении. Ответ на эти вопросы дают также материалы всестороннего исследования Аручского храма, опубликованные 22 года назад³.

В упомянутом исследовании, исходя из анализа многих памятников, указывается, что, начиная в IX—XI вв., тип купольной залы становится наиболее распространенным, а в XII—XIII вв. получает почти исключительное применение в церковном зодчестве Армении. Но в различные периоды своего развития этот архитектурный тип претерпевает определенные изменения. Только Ширакванский храм, как один из наиболее ранних воспроизведенный типа купольной залы эпохи Багратидов, обнаруживает черты (как это отмечает и сам Г. Н. Чубинашвили), общие с Птгни и Аручем (стр. 110), но вместе с тем выявляет принципиально новые архитектурно-художественные качества, созвучные новой эпохе развития армянской архитектуры.

¹ Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении, стр. 68.

² J. Strzygowski, Die Baukunst der Armenier und Europa, Wien, 1918, стр. 188.

³ В. М. Арутюнян. По поводу датировки храма в Аруче, стр. 14—30.

Дело в том, что в X—XI вв. заметно уменьшаются абсолютные размеры храмов. Если в Аруче и Птгни они составляют соответственно 34, 57 x 16, 92 и 29, 30 x 13, 73, а в Ширакаване 30, 40 x 14, 70 м (что, безусловно, указывает на факт непосредственного воспроизведения ранних образцов), то в купольных залах последующего времени (X—XI вв.) наблюдается тенденция к сокращению абсолютных размеров зданий. Так, в обоих храмах монастыря Оромос (X в.) эти размеры составляют 13,5 x 8,22 и 16,40 x 10,40 м, в большом храме Мармашена—19,20 x 12,60. Даже главные храмы таких крупных монастырей, как Санаин и Ахпат, не отличаются значительными размерами: храм Богородицы (X в.) монастыря Санаин имеет размеры 21,4 x 14,4 м, а св. Ншана (976 г.)—17,5 x 12,4 м.

В дальнейшем, в XII—XIII вв., когда тип купольной залы получает повсеместное применение, размеры церквей уменьшаются еще больше. Для наиболее значительных монастырей этой эпохи характерны минимальные размеры церквей. Например, украшавшая столицу Ани церковь Тиграна Оненца (1215 г.) имеет размеры 13,60 x 9,70 м, св. Карапета в Нораванке (1221—1227 гг.)—10,8 x 8,5 м, св. Богородицы в монастыре Гошаванк (1191 г.)—15,3 x 11,6 м, св. Богородицы в монастыре Гегард (1215 г.)—14,95 x 11,6 м, в Аричаванке (1201 г.)—17,7 x 13,4 м.

Соответственно меняется и соотношение длины и ширины. Если в ранних купольных залах (Птгни, Аруч) оно составляет 2,1 x 1,0 и повторяется в Ширакаване, то в последующих храмах рассматриваемого типа наблюдается тенденция к постепенному его изменению, а именно: 1,6 x 1; 1,5 x 1, 4 x 1 и даже 1,3 x 1, причем это происходит за счет сужения и даже полного отпадения такой характерной для ранних купольных зал части, как трансепт. Во многих памятниках X—XI вв. (Санаин, Ахпат, Бджни,

Кечарис и т. д.) и XII—XIII вв. (Гегард, Гошаванк, Ованнаванк, Аричаванк и т. д.) транспет полностью отсутствует. В некоторых из них допускается нововведение—появляются приделы на западных углах, вследствие чего плановое решение становится вполне симметричным и купол возвышается в самом центре всей объемной композиции. Эти изменения постепенно представляются настолько разительными, что порой трудно проследить генетическую связь с их предшественниками¹.

Существенным образом изменяются также средства архитектурно-художественной выразительности и мотивы декоративного убранства. Объективный и внимательный исследователь армянской архитектуры, не страдающий предвзятостью, легко может выделить новые декоративные мотивы, созвучные новой эпохе. Именно поэтому, если в Ширакаванском храме, как сравнительно близком по времени памятнике, еще имеется сходство, кажущееся Г. Н. Чубинашвили тождеством (стр. 111), то в других памятниках X, XI и др. веков найти точки соприкосновения с ранними купольными залами (Птгни, Аруч) уже невозможно, они исчезают. Наоборот, в них мы встречаем не применявшуюся ранее обработку фасадов декоративной аркатурой, не такой, как в Звартноце, Артике и Талине (большие храмы), а на тоненьких полуколонках (Санаин, Мармашен), новые средства обрамления дверных и оконных проемов (Ширакаван, Кечарис и др.), принципиально новые, совершенно отличные от памятников VI—VII вв. мотивы декора, характерные для армянского искусства X—XI и XII—XIII вв.

¹ На это указывает и Г. Н. Чубинашвили. Он отмечает: «По происхождению своему эта группа, конечно, эволюционно связана с типом купольного зала, но по образованному пространству в ней и следа не осталось от такового» («Разыскания», стр. 121).

Принадлежность храмов Птгни и Аруч к раннему средневековью неопровержимо устанавливается и внимательным анализом методов их строительства: применение в кладке большемерных и продолговатых камней с фасками, конструктивные приемы различных перекрытий, использование в пазухах вулканических шлаков в качестве легких заполнителей, черепицы для покрытий скатов и целый ряд других особенностей. Следует учесть и метки каменотесных мастеров, встречающиеся, кстати сказать, не только на армянских зданиях VI—VII вв., но и грузинских того же времени (Атени, Джвари, Цроми).

Ни один из типов церковного здания (в том числе и тип купольных зал, окончательно сложившийся в VII в.) не мог не пройти сложный процесс формирования и кристаллизации. Хотя, к сожалению, и в Армении, и в Грузии этот процесс недостаточно прослежен на примере точно датированных памятников, тем не менее вполне закономерно предположение, что он имел место уже в VI веке, для некоторых типов—в первой половине столетия и даже раньше—в конце V в., для других—в течение второй половины VI в.

Данные новейших исследований позволяют утверждать, что малоизвестный до последнего времени в научной литературе храм в Зовуни (см. выше) является одним из первых культовых зданий, перестроенных из однонефной базилики в купольную залу. Это имело место, как убедительно показал А. А. Саинян (обстоятельно исследовавший этот памятник)¹, именно в первой половине VI в. Следовательно, в Армении к тому времени уже были созданы предпосылки для дальнейшего совершенствования купольных зал, композиция которых вполне

¹ А. А. Саинян. Архитектурный комплекс Зовуни, «Трабер» («Вестник общественных наук»), АН Арм. ССР, 1968, № 1, стр. 101—120 (на арм. яз.).

сложилась во второй половине VI века и, тем более, в первой половине VII в.

Так обстоит дело с вопросом о времени формирования типа купольных зал Армении, который тщетно оспаривает автор «Разысканий» — вопреки всем уже давно известным и новым данным.

О БОЛЬШОМ ХРАМЕ В ТАЛИНЕ

Шестая глава «Разысканий» представляет незначительно измененный автором текст, опубликованный на немецком языке еще в 1930 г.¹ Предварив изложение набором отрицательных эпитетов, вроде тех, которыми он наградил Аручский храм и его строителя, Г. Н. Чубинашвили продолжает настаивать на своем совершенно необоснованном мнении. Эта настойчивость автора находит себе объяснение в следующем его заявлении: «... Приобретает новое значение,—пишет Г. Н. Чубинашвили,—факт редкости такого плана церквей в Армении, когда в Грузии мы встречаем несколько и при этом величественных и грандиозных, как по размерам, так и по художественности замысла и исполнения, кафедралов страны, из которых Ошкский начат постройкой во второй половине X века (между 958 и 964 годами), Кутаисский в конце X, закончен в 1003 году, а Алавердский в начале XI» (стр. 133—134). Как видим, побудительной причиной передатировки храма в Талине опять-таки является вопрос приоритета. Г. Н. Чубинашвили не может допустить, что в Армении в VII в. мог формироваться новый тип храма (включенный И. Стриговским в группу

¹ Die grosse Kirche von Thalín in Armenten, Byz. Zeitschrift, XXIX, 3 n 4, 1930, 260—270.

Dreipass, Dreischiffige), явно перекликающийся с типом храмов, построенных в Грузии в X—XI вв. И для того, чтобы доказать обратную хронологическую последовательность, он, как и много лет назад, прибегает к старым средствам, далеким от научной аргументации.

С помощью своего архитектурно-художественного «анализа», состоящего по преимуществу из отрицательных характеристик, Г. Н. Чубинашвили силится представить в самом убогом виде великолепное творение армянской архитектуры, достоинства которого общепризнаны—они многократно отмечены в научной литературе в нашей стране и за рубежом, а затем эта «убогость» архитектуры ведет автора к отрицанию правильности дат, содержащихся в надписях на стенах храма. На этот раз, пользуясь тем, что Большой храм в Талине не имеет строительной надписи и лишен свидетельства летописцев относительно времени его возведения, он с легкостью отрицает и надпись, датированную 783 годом (она касается проводки воды), голословно заявляя, будто она «... не может быть ни по языку, ни по начертанию надписью VIII в.» (стр. 126)¹. Вот и вся «аргументация»! Можно подумать, что предки армян, имевшие обычай фиксировать на стенах храмов (и в памятных записях рукописей) наиболее важные события, только тем и занимались, что фальсифицировали оставляемые документы.

Упомянутая надпись Большого храма в Талине мешает Г. Н. Чубинашвили датировать памятник X веком, поэтому он дискредитирует ее и отбрасывает. Зато остальные надписи с датами 981, 1018 и 1040 гг. в силу той же причины оставляет в покое (стр. 133).

¹ В немецком варианте этого текста (стр. 261) Г. Н. Чубинашвили эту дату опять-таки определял при помощи так называемого малого армянского летосчисления (232+1084=1316). Теперь от этого ему пришлось отказаться, чтобы вновь не оказаться в неловком положении.

Однако объективный ход развития армянской архитектуры решительно отвергает и эту передатировку. Дело в том, что исходным для Большого храма в Талине, по всем данным, служила соборная церковь Григория в Двине, в которой впервые (насколько мы знаем) сделана попытка создания триконхового пространства, правда, еще не совсем органичного.

Раскопки этой церкви (начатые архимандритом Хачиком Дадияном в 1907 г., возобновленные в 1937 г. и продолженные в послевоенное время), вместе с имеющимися летописными данными, дали представление об архитектуре этого важного памятника. Первоначально это была базилика, построенная в V в. и являвшаяся самой крупной базиликой Армении¹. Она была разрушена персами в 572 г. В начале VII в. при марзпане Смбате Багратуни и католикосе Абрааме Рштуни (608—615 гг.) были предприняты большие работы по восстановлению здания, завершившиеся при католикосе Комитасе (615—628 гг.).

По поводу этих работ имеются подробные сведения у летописца—современника Себеоса, который повествует: «Он (т. е. Смбат Багратуни) попросил у царя (Хосрова Ануширвана) позволения построить церковь им. св. Григора в Двине. И так как блаженный католикос Мосес скончался и на месте не было духовного наставника, то Смбат поспешил выпросить царского разрешения этому делу. Получив разрешение от царя, уже будучи на родине, он позаботился о великом престоле, чтобы назначить блюстителя и попечителя церкви, пекущегося о его спасении. И посадили на патриарший престол Абраама, епископа Рштунийского. Затем приступили к закладке церкви. Он созвал мастеров каменщиков, назначил над

¹ К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952, стр. 81 (на арм. яз.).

ними верных надсмотрщиков и приказал возможно скорее закончить постройку.

Начальник крепости и марзпан (имеется в виду не Смбат Багратуни, а другое лицо) донесли царю, что (церковь) очень близка к крепости и представляет опасность со стороны врагов. Царь послал им приказ: снести крепость, а церковь пусть останется на месте. Аминь¹.

Таким образом, время перестройки Двинского соборного храма св. Григория, указанное Себеосом, не вызывает никаких сомнений. Раскопки подтвердили, что новый храм был построен на месте прежней базилики. При перестройке укоротили ее длину, в восточной части создали новую алтарную абсиду с приделами по двум сторонам, пристроили к существующим продольным (северным и южным) стенам абсиды, полукруглые внутри и пятигранные снаружи, и возвели внутри храма четыре мощных пилона—опоры купола². В результате коренной реконструкции была создана новая плановая и объемно-пространственная композиция, бесспорно являющаяся предшественницей Большого храма в Талине.

Г. Н. Чубинашвили не проявляет никакого внимания к этим научным открытиям, столь ясно указывающим на время возникновения типа и вполне подтверждающим правильность мнения И. Стриговского и других исследователей армянской архитектуры. Он лишь слегка касается кафедрального собора в Двине и то только в примечании (стр. 133), обходя таким образом результаты раскопок и ограничивается следующими рассуждениями: «Результаты раскопок. . . не дают—по моему убеждению—мате-

¹ История епископа Себеоса, Ереван, 1939, стр. 57—58 (перевод С. Малхасяна).

² В. М. Арутюнян. Архитектурные памятники Двина, Ереван, 1950, стр. 49—56; К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки, стр. 88—101 (оба на арм. яз.).

риала ни для убедительной реставрации форм его (т. е. собора), ни по вопросу о датировке раскрытых раскопками развалин» (там же). Это расплывчатое и неопределенное заявление говорит лишь об одном—о нежелании считаться с фактами, идущими вразрез с заранее выработанной концепцией.

Вернемся, однако, к вопросу о времени возведения Большого храма в Талине. Если даже оставить надпись на его стене с датой 783 года, то объективный и непредвзятый анализ самого памятника вполне достаточен, чтобы приближенно (в пределах одного-двух десятилетий) определить время его строительства—это вторая половина VII века. Ключом к пониманию и правильному толкованию архитектурных форм храма, в частности его богатого многообразного декора, без всякого сомнения, является точно датированный храм Звартноц. Несмотря на разность типа, Звартноц имел существенное влияние на некоторые формы и детали храмов, построенных непосредственно после него, в том же VII веке. Оно явно прослеживается в орнаментальных мотивах оконных бровок, подробно изученных и сопоставленных Н. М. Токарским¹, в наличии декоративных аркатур на гранях выступающих абсид, формах завершающих карнизов и т. д. Вместе с тем принадлежность Талинского храма к VII в. подтверждается и анализом кладки стен, конструкций перекрытий, а также оставленных мастерами меток на камнях (тождественных меткам на памятниках VII в. не только армянских, но и грузинских), и целым рядом других признаков, свойственных немногочисленным памятникам армянского зодчества второй половины VII века².

¹ Н. М. Токарский. Архитектура Армении IX—XIV вв., стр. 154—171.

² Там же.

Ни один из этих признаков не содержат точно датированные IX или X вв. памятники Армении, кроме тех, которые Г. Н. Чубинашвили произвольно перемещает из VII в IX—X вв. с целью создания мнимой «единой» картины. Но стоит только отказаться от такой операции, и картина станет действительно единой.

КУПОЛЬНЫЕ КВАДРАТЫ С ОПОРНЫМИ ПО ОСЯМ НИШАМИ

Следующий тип центричных композиций, к которому обращается Г. Н. Чубинашвили, представлен памятниками типа Мастары, воплотившими дальнейшее развитие простых тетраконхов. Тип этот, как показал Стриговский, сыграл огромную роль в создании композиции Авана—Рипсимэ.

Выше говорилось, что по Г. Н. Чубинашвили, все развитие (если это можно назвать развитием) шло в обратном направлении, и «тип Мастары. . . является . . . только отпрыском. . . типа «Джвари»¹. Принцип анализа Г. Н. Чубинашвили и здесь остается неизменным: почти все памятники объявляются малохудожественными, ремесленническими упрощениями, а даты их также оказываются смещенными по меньшей мере на 200—300 лет. Уже в начале главы сказано, что Мастара «совсем не первоклассный памятник» (стр. 136). Внутренние его формы характеризуются «перегруженностью, беспокойством», «измельченностью и разбитостью» (стр. 139). «Архитектор Мастары не первоклассный мастер, а только добросовестный комбинатор» (стр. 141). Архитектор же другого здания этого типа—Артика «делает довольно невероятные, дикие вещи. . . здесь все робкие полуреше-

¹ Г. Н. Чубинашвили. Памятники типа Джвари, стр. 69.

ния Мастары завершены и, так как строитель Артика был лишен дарования, то особенно резко и безоговорочно» (стр. 145—146); «при ремесленной уверенности исполнения Артик остается грубой, неумелой, хоть и силой украшается постройкой» (стр. 149). Далее читаем: «Артик и Харидж производят унылое впечатление и не возбуждали желаний обмерить» (стр. 136); в «Харидже . . . ни о каком специально художественном замысле речи нет» и «получается на редкость уродливая картина форм» (стр. 140).

Как видим, общие «лестные» характеристики здесь вполне аналогичны тем, которые даны и другим произведениям армянской архитектуры. В сущности, не изменился и подход к отдельным памятникам. Но предвзятость и тенденциозность автора ярче всего проявляются при определении дат.

Рассматриваемый тип является одним из наиболее цельных по замыслу центричных решений раннесредневековой эпохи; стилистическую общность с другими памятниками того же периода не может отрицать и Г. Н. Чубинашвили. Он пишет: «Действительно, в отношении общей широты пространственного подхода мы имеем несомненную параллель с древнейшими Kuppelhalle, в частности с Тальшом (Аручем); тот же общий подход виден и здесь, и потому понятен восторг Стриговского в отношении Мастары и Артика, как представителей определенного архитектурного типа» (стр. 136). А в другом месте: «Общие пропорции в Мастаре—крупные, внушительные, грузные; общими массами и их сочетанием она ближайше напомнила Рипсимэ» (стр. 141). Г. Н. Чубинашвили прав, когда говорит о стилистической общности всех этих памятников, составляющих в армянском зодчестве VII века определенную группу. Однако и здесь он продолжает свою линию: все эти памятники, включая и непосредственно рассмотренные здания типа

Мастары, и стилистически единые с ним храмы—Аруч, Талин, Рипсимэ—все они объявляются памятниками X в. Автор неотступно применяет все тот же хорошо нам знакомый прием сопоставления памятников внутри стилистически единой архитектурной группы, и если прежде он ограничивался в основном декоративным убранством, то теперь сопоставляет композиции зданий в целом. И все же возникает недоумение—почему же нет «широты пространственного подхода» в сооружениях X—XI вв., почему общие пропорции оказываются аналогичными именно с теми памятниками, которые Г. Н. Чубинашвили перебарывает в X в.

Обратимся к отдельным памятникам. Г. Н. Чубинашвили признает, что среди всей этой группы храмов наиболее значительным является Мастара. Отсюда—то особое внимание, которое он уделяет именно этому памятнику, называя его «лучшим из них» (стр. 136). И тем не менее внутреннее пространство Мастары характеризуется, по его мнению, «измельченностью и разбитостью», «перегруженностью моделировкой» (стр. 139), хотя не трудно видеть, что названные автором элементы—это прекрасно разработанные каменные конструкции, в которых архитектор с большим мастерством решил труднейший вопрос подкупольного перехода для огромного купола. А «перегруженность моделировкой», оказываясь, не что иное, как размещение в «каждом углу по два окна. . .» (стр. 139), которые якобы «были слишком близки, велики и потому неприятно разбивали массивность, вещественность стены» (там же). Между тем в натуре нет ничего подобного, окна эти прекрасно гармонируют с другими компонентами, и не случайно, что Г. Н. Чубинашвили не приводит ни одного снимка величественного интерьера этого замечательного здания,

Для датировки храма в Мастаре большое значение имеют надписи. Как уже отмечалось, и здесь Г. Н. Чу-

бинашвили пользуется устаревшей литературой, причем даже не упоминаются важнейшие исследования в этой области, в том числе и работа Гарегина Овсепяна, специально посвященная армянской эпиграфике¹, где среди многих других надписей VII в. рассматриваются и надписи Мастары. Не привлечена и работа Л. Меликсет-Бека, труды которого широко используются Г. Н. Чубинашвили лишь в тех случаях, где они могут подкрепить его выводы. Напомним, что эта работа Л. Меликсет-Бека специально посвящена армянской эпиграфике VII в., в ней рассматриваются и надписи Мастары². Оба автора — и Гарегин Овсепян и Л. Меликсет-Бек не оставляют сомнений, что в Мастаре налицо ряд надписей именно VII века.

Стремясь любыми средствами оттянуть дату памятника вперед, в IX век, Г. Н. Чубинашвили не останавливается даже перед искажением хода развития таких важных компонентов, как угловые комнаты-приделы. Он признает, что восточные комнаты Мастары вовсе не результат позднего добавления, но в то же время пишет: «... наравне с древним подходом и выбором мотивов, напр., для карниза, появляются уже —хоть и робко—подходы новые, как, например, угловые комнаты, которые, однако, очень низки и как бы только добавлены к основным массам храма, но не входят в них органически, не слились еще с ним» (стр. 144).

Такая трактовка угловых помещений противоречит всему ходу развития армянского зодчества, поскольку процесс включения в композицию восточных комнат налицо уже в V—VI веках, а к VII в. он был фактически завершен. Именно поэтому «робкое» (если можно вооб-

¹ Шогакат. Арменоведческий сборник, Вагаршапат, 1913, стр. 174.

² Л. Меликсет-Бек. Из армянских надписей VII в., стр. 64.

ще так сказать) вращание этих комнат в Мастаре говорит именно об архаичности здания, о том, что Мастара— это памятник даже не VII, а скорее второй половины VI века.

Что касается других представителей этого типа, то и здесь положение не лучше. Г. Н. Чубинашвили пишет, что «Харидж производит унылое впечатление» (стр. 137), а строитель Артика следовал готовой схеме (стр. 141). Он даже удивляется, как можно восхищаться постройкой в Артике: «Если же Стриговский и превозносит ее, то явно забыв непосредственное от нее впечатление и оперируя ограниченными, вывезенными о ней материалами» (стр. 149). В самом деле, заключает наш критик, ведь «Артик остается грубой, неумелой, хоть и силищейся украсить постройкой»¹.

Важнейшими моментами конструктивных особенностей обоих зданий (Арича и Артика) являются подкупольные переходы. В Ариче (у Г. Н. Чубинашвили—Харидж) переход парусный, причем паруса здесь весьма своеобразны. Они начинаются значительно ниже конх абсид, а образующая кривая охватывает полукругом сторону подкупольного квадрата. Нетрудно видеть, что в данном случае строитель отошел от канонических форм и нашел единственно возможное решение, позволившее отказать от тремов и таким образом значительно уменьшить общую высоту памятника. Однако конструктивное решение парусного перехода Арича, хотя и принадлежит памятнику, возведенному во второй половине VII в., все же, возможно, в какой-то мере является пережитком более древних конструкций купольных квадратов. Это свидетельствует о том, что попытки разработки перехода от квадрата к многоугольному или круглому основанию куполов предпринимались и в древности. И это редкое, необычное решение характеризуется авто-

¹ Эту цитату мы вынуждены привести вторично.

ром не иначе, как «на редкость уродливая форма» (стр. 140).

О конструкции подкупольного перехода в храме Артика Г. Н. Чубинашвили пишет следующее: «Хронологическое приурочение памятника, которое мне кажется правильным (именно вторая половина, если не конец X в.), говорило бы за применение парусов» (стр. 140). Однако формы памятника полностью исключают возможность применения парусного перехода. Дело в том, что в памятниках данного типа пересечение паруса со стороной подкупольного квадрата образует полукруг с диаметром, равным его стороне, и паруса начинаются гораздо ниже уровня impostов арок абсид—точно так, как это видим в Арче. Между тем в Артике, где довольно высокие угловые участки, нет никаких следов парусов—это хорошо видно даже по приведенным Г. Н. Чубинашвили фотографиям (табл. 192—201). Становится ясно, что единственно возможное решение—это именно троповый переход, что никак не вяжется с установкой Г. Н. Чубинашвили о поздней дате храма.

Тенденциозное отношение автора еще ярче проявляется при анализе фасадов здания. Он пишет: «В распределении окон здесь еще больше произвола, чем в Мастаре . . . разбивкой окон руководила не какая-либо художественная идея, а исключительно утилитарные соображения» (стр. 140—141). На самом деле формы памятника решительно опровергают такой вывод. Достаточно сказать, что окна здесь, во-первых, размещены в абсидах, а угловые пространства освещаются с запада и юга. Нет боковых окон с востока—там возвышались приделы, нет их с севера—здесь проявляется вековая традиция армянских зодчих избегать северных окон: в древних базиликах часто на север не раскрывался ни один оконный проем.

Относительно декоративного убранства Артика можем отметить лишь следующее. Как и в других разделах «Разысканий», здесь сопоставляются декоративные формы стилистически единой группы памятников—это в основном те же Талин и Птгни, Аруч и Гарнаовит, Мазарджук и Лмбат (стр. 148), объявленные автором памятниками IX—X вв.

Принципы архитектурного анализа здесь остались прежними, поэтому мы не считаем нужным повторять то, о чем не раз говорилось выше.

В заключительной части «Разысканий» автор отмечает, что вся группа зданий возникла «из переработки темы Авана и Арамуса» (стр. 169), т. е. является не чем иным, как упрощением уже известных решений. Единственным шагом вперед, который делает в этом отношении Г. Н. Чубинашвили, является то, что теперь какое-то место отводится и собственно армянским памятникам. Двадцать лет назад не только тип Авана-Арамуса, но и тип Мастары он выводил непосредственно от Джвари. Сейчас, как видим, сделана определенная «уступка»—на основе Джвари «возник» лишь один Аван, а тип Мастары уже создан, в свою очередь, на основе Авана.

МНОГОАБСИДНЫЕ ЦЕРКВИ

Появление многоабсидных типов церквей Г. Н. Чубинашвили рассматривает как результат чуть ли не дегенерации архитектурных форм. Он пишет, что «эпоха X—XI вв., когда посредственные зодчие обращались для удовлетворения декоративных запросов к переделке древних типов, не ограничилась тетраконхами, а стала варьировать и самое число абсид. Так получены сочетания из 6-и и 8-и абсид»¹.

Рассматривая памятники в Егварде и Иринде, он безапелляционно относит их к X веку—одно только наличие парусов в этих зданиях, по его мнению, вполне достаточно для такой датировки. Чтобы обосновать позднюю дату, по-прежнему привлекаются ранее перенесенные в X век Талин, Гарнаовит, Артик, причем архитектурные формы Иринда, особенно полуколонки аркад, как и следовало ожидать (зная тенденциозное отношение автора), производят «мало приятное впечатление. . . арки совершенно случайно пересекаются, они как бы выворочены», а некоторые арки разработаны «очень грубо и поверхностно выполненным рядом двойных кружков с пуговками внутри» (стр. 159).

Обращаясь к Зоравару и отмечая плетеный карниз с волнообразным стеблем винограда на верхней полочке,

¹ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, стр. 230—231.

Г. Н. Чубинашвили, как параллель, указывает «многие здания в Ани X—XI веков», хотя аналогичные с Зораваром карнизы хорошо известны на фасадах именно памятников VII в. (Звартноц, Талин, Аруч, Кармравор). Что касается орнамента на верхней полочке, то в Ани X—XI вв. нет ничего похожего, зато в VII веке встречаются аналогичные мотивы (Звартноц, Кармравор). В параллель наверху северного окна он приводит орнаменты из Махмуджука и Лмбата (разумеется, оба храма датируются X в.), а для окна над северным входом—навершия Аруча и пережиточно сохранившиеся формы этого же мотива в Татеве, Ширакаване, Арамусе, совершенно пренебрегая (или не замечая) при этом огромной стилистической разницы между орнаментами VII и X вв. Далее он отмечает: «Против западного входа на земле тимпан с крупным изображением проросшего креста» (стр. 160). Не случайно, что Г. Н. Чубинашвили не приводит ни одного параллельного мотива из X—XI веков; это не удивительно, так как в ту эпоху формы крестов значительно отличались от форм VII в.—от тех крестов с четким рисунком, которым следовал крест из Зоравара.

Весьма примечательно, как Г. Н. Чубинашвили комментирует наличие в Иринде столь древнего архитектурного элемента, как наружные треугольные ниши, внутри которых помещена колонна с капителью и нишей над ней. Он пишет: «... такая же форма отмечена в Адиамане, Талине и Артике. Связанность этих памятников между собой четко проявляется применением такого мотива, который явно перенят с какого-то древнего образца, где он имел первоначально полную, конечно, разработку, т. е. с заполнением верхней абсидальной нишки над колонками и возможно утратившего это заполнение ко времени копирования в Адиамане» (стр. 159). Возникает вопрос, откуда же армянские архитекторы скопировали эту форму? Ответ предугадать не трудно: конечно,

из Грузии, где уже в VII в. существовал этот архитектурный мотив, а на колоннах, размещенных в нишах, располагались скульптуры¹. Г. Н. Чубинашвили пишет: «В армянской архитектуре аналогичные ниши всплывают сразу в готовом виде Цромского типа. . . данный мотив украшения храмов наружными нишами в Армении заимствован в готовом виде из Грузии и, не будучи проработан в своих основах, получил применение на всех фасадах, причем часто необоснованно конструктивно»².

Об ошибочности и тенденциозности этой концепции говорилось выше. Отметим лишь, что указанные Г. Н. Чубинашвили колонны в нишах армянских памятников вовсе не являются заимствованными или переятыми: на всех капителях этих колонн налицо глубокие и широкие отверстия для крепления скульптур или крестов, что полностью созвучно и времени, к которому относятся колонки вместе с самими зданиями: VII век. Но Г. Н. Чубинашвили и здесь верен себе: для него Иринд и Зорава — это памятники X века, «типичные своей беспомощной наивностью», а в Зораваре будто бы «ни единой черточкой нет от постройки времени Григория Мамиконяна» (стр. 160).

Однако для датировки указанных памятников VII веком «черточек» более чем достаточно. Во-первых, — это свидетельство историков, приписывающих сооружение Зорава именно Григорию Мамиконяну³. Во-вторых, — это замечательные архитектурные формы, и прежде всего тот же подход при решении интерьера, что и в таких памятниках VI—VII вв., как Мастара, Птгни, Аруч. Все

¹ Г. Н. Чубинашвили. Памятники типа Джвари, стр. 179.

² Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахети, стр. 613.

³ История Армении Иоанна Драсханакертци, Тифлис, 1912, стр. 91. Драсханакертци пишет, что после строительства Аручского храма Григорий Мамиконян «возвел к востоку от местечка Егвард монастырь и при нем великолепную церковь».

внутреннее пространство, единое и нерасчлененное опорами, оставляет исключительно цельное впечатление. Одно это прекрасно характеризует архитектурно-художественное направление VII века.

Именно для VII в. характерна и строительная техника обих зданий—их кладка с фасками на блоках, метки мастеров—каменщиков. Этому времени присущи пропорции баз и капителей внутренних $3/4$ колонн, как и широкие большие окна, которые в X—XI вв. превращаются в узкие щели; для VII в. характерны конструкции сводов, остатки черепиц, свидетельствующие о первоначальной черепичной кровле, и т. д. Именно с формами VII в. связываются все элементы декоративного убранства, причем весьма близкие аналогии к ним можно найти в Звартноце, Аруче, Талине, Сисаване и других памятниках VII в.

Многоабсидные композиции были хорошо известны в армянском зодчестве VII в., поэтому абсолютно беспочвенна попытка Г. Н. Чубинашвили перетянуть их в X—XI века. Утверждение, будто лишь после такой операции «ход развития армянской архитектуры получает и стройность и наглядную обзорительность» (стр. 160), конечно, не в состоянии изменить представление о подлинном и реальном процессе развития, которое Г. Н. Чубинашвили на протяжении всей своей книги изображает в кривом зеркале.

Еще древние говорили: «Бойтесь данайцев, приносящих дары». Многоабсидные композиции являются органической частью армянского зодчества, и попыткам Г. Н. Чубинашвили в деле «исправления» дат памятников армянского зодчества уготовлена та же участь, что и другим «исправлениям» истории, с чьей бы стороны они ни предпринимались.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Подведем итоги.

Г. Н. Чубинашвили взялся за важное, но сложное и трудное дело изучения узловых вопросов истории архитектуры своего соседа—Армении. Декларируя цели и задачи, он сообщает, что собирается исправить неточности и ошибки в истории армянской архитектуры, дать более стройную картину ее развития, доказать самостоятельность двух самобытных, ярко национальных искусств Грузии и Армении и, тем самым, устранить укоренившееся в европейской литературе неприемлемое и несправедливое отношение к грузинскому искусству, будто оно является ветвью или эпигоном армянского искусства. Но, как показывают «Разыскания», Г. Н. Чубинашвили главную свою задачу видит в другом: шаг за шагом он стремится перегнуть палку в другую сторону и «доказать», что в VII—X вв. армянская архитектура зависела от грузинской. Посредством своего художественного «анализа», а вернее, исходя из своих «художественных впечатлений» (стр. 149), весьма субъективных, и нарочито подбирая формальные «доказательства», он переселяет из одной эпохи в другую—из VII в IX—X века—до двух десятков памятников армянской архитектуры с целью доказать, что приоритет в архитектурно-художественном развитии Грузии и Армении принадлежит именно грузинской архитектуре.

Узловые памятники армянского зодчества характеризуются как подражание грузинским, причем подражание бездарное; армянские строители так, мол, и не сумели понять художественные замыслы грузинских зодчих. Творения армянских зодчих и они сами наделены автором сплошными отрицательными характеристиками и эпитетами¹. Г. Н. Чубинашвили заключает, что положение Дюбуа де Монперё о том, что грузинская архитектура есть ответвление армянской, ею создана, «поставлено вверх ногами» (стр. 37). Иначе говоря, по Г. Н. Чубинашвили, зависимость была обратной, а именно зависимость армянской от грузинской архитектуры. Для самостоятельности армянского зодчества здесь места не остается. В доказательстве этого, собственно, и заключается цель Г. Н. Чубинашвили. Но дело этим не ограничивается: «Разыскания» посвящены армянской архитектуре только до XI века, а что же происходит в дальнейшем? Автор то заявляет, что расхождение между армянской и грузинской архитектурами «растет до полного различия», то, как бы нечаянно, мимоходом говорит: «Затронув вопрос о церковных росписях Армении, мы невольно касаемся влияния Грузии на искусство Армении **во время политического и связанного с этим культурного слияния ее с Грузией в XII—XIII веках**» (курсив наш.—Авт.) (стр. 8).

Таким образом, Армения в XII—XIII вв., по мнению Г. Н. Чубинашвили, политически и культурно сливается с Грузией и этим завершается процесс художественного развития Армении. Таково логическое завершение «Разысканий» автора. Так не выполненным и осталось обе-

¹ См. Г. Н. Чубинашвили. Разыскания по армянской архитектуре, стр. 15, 16, 19, 25, 27, 28, 34, 37, 105, 107, 108, 126, 128, 129, 131, 133, 136, 139, 140, 141, 143, 144, 146, 148, 149, 150, 154, 155, 158, 159, 160, 170.

щание автора (в начале книги) доказать наличие двух феноменов, двух самобытных ярко национальных искусств.

Книга Г. Н. Чубинашвили не выдерживает никакой критики—ни произвольно-ограниченным охватом материала, ни с фактической точки зрения, ни в историко-культурном отношении, ни, тем более, примененными в ней методами вельфлиновского формалистического искусствоведческого анализа и сделанными на этой основе выводами. Неудача автора объясняется не только и не столько недостаточным знанием истории и культуры армянского народа, как и фактического материала по армянской архитектуре, сколько предвзятостью и предубежденностью, с которыми он подошел к армянской архитектуре, стремясь изобразить ее мрачными красками, представить ее узловые памятники как кустарные произведения, а их создателей—лишенными художественно-творческого дарования¹.

Достойно сожаления, что академическое издательство «Мецниереба» выпустило книгу, не делающую чести грузинской науке, пользующейся заслуженной славой: издатели книги переоценили заслуги автора в исследовании истории армянской архитектуры и некритически отнеслись к его «Разысканиям».

К этому неприятному—и для нас, и для читателей—разговору нас принудил Г. Н. Чубинашвили, десятилетиями пропагандирующий взгляды, принижающие культурное наследие армянского народа. Наши критические замечания—устные и печатные—оставались, по существу, без отклика. Те же взгляды, теперь уже в расширен-

¹ О предвзятости и искусственности концепции Г. Н. Чубинашвили см. также рецензию доктора исторических наук А. Л. Якобсона, опубликованную в журнале «Советская археология», Москва, 1968, № 3, стр. 262—270.

ном издании, мы видим в «Разысканиях». Приходится разбирать старые концепции Г. Н. Чубинашвили, столь резко противоречащие исторической правде.

Мы высоко ценим архитектурное наследие и армянского и грузинского народов, ясно представляем себе зарождение и пути их развития, их связи, тесное взаимодействие и взаимное влияние. То и другое их обоюдно обогащало. Но это несколько не меняет самого главного: и армянская, и грузинская архитектура прошли длительный путь самостоятельного развития, обе наделены яркими, самобытными национальными чертами, в одинаковой мере занимают выдающееся место в культурном наследии своего народа и в одинаковой мере достойны самого глубокого уважения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Метод исследования	8
Использование эпиграфического материала	27
Архитектурные формы и убранство как датирующий материал	39
Памятники «типа Джвари»	56
О купольных базиликах Армении	80
Малые купольные церкви	85
О купольных залах Армении	98
О Большом храме в Талине	114
Купольные квадраты с опорными по осям нишами	120
Многоабсидные церкви	127
Заключительные замечания	131

НИКОЛАЕВИЧ
АРАКЕЛЯН БАБКЕН ~~ОГАНЕСОВИЧ~~
АРУТЮНЯН ВАРАЗДАТ МАРТИРОСОВИЧ
МНАЦАКАНЯН СТЕПАН ХАЧАТУРОВИЧ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ
АРМЯНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

*Печатается по решению ученого совета
института искусства АН Армянской ССР*

Отв. редактор *К. Л. Оганесян*
Технич. редактор *М. А. Капелян*
Корректор *Г. А. Абрамян*

ВФ 03399

Заказ 183,

изд. № 3178,

тираж 500.

печ. л. 8,5, бум. л. 4,25. Сдано в производство 5/III—1969 г.

Подписано к печати 5/V—1969 г.

изд. 5,8 л., усл. п. л. 11,64. Бумага № 1 70×108¹/₁₆. Цена 44 к.

Типография Издательства Академии наук Армянской ССР г. Эчмиадзин

ԳԱՆ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0370493

P iii
34030